

ХРАНИТЕЛЬ ПОРЯДКА: ПЕРЕКРЕСТОК МИРОВ

Александр Властанин

18+

Александр Властанин

**Хранитель Порядка:
Перекресток Миров**

«Автор»

2026

Властанин А.

Хранитель Порядка: Перекресток Миров / А. Властанин —
«Автор», 2026

Несколько лет писателю Константину Северову снился один и тот же зал: в центре сияла золотая Книга, покрытая рунами, а вокруг стояли миниатюры чудес света с теми же символами. Повторяющийся сон оказался отличным источником вдохновения для написания целой серии книг. Вот только руны из его снов вскоре начали находить в реальности. Следуя им, экспедиция заходит туда, куда не ходят туристы и откуда не возвращаются исследователи. Это был Перекресток Миров - мертвый мир под фиолетовым небом с двумя солнцами, где физика работает иначе, а монстры эволюционируют быстрее людей. В Перекрестке Миров выживают лишь те, кто способен осознать природу своей силы. Здесь герои прокачиваются не через убийство монстров, а через кризис, предательство и невозвратные потери. В этих условиях Косте предстоит с нуля разработать систему рангов, стать тактическим лидером для команды и довести выживших до Источника. Но чем выше ранг и глубже понимание нейпсила, тем меньше в носителе остается человеческого.

© Властанин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Золотая Книга	5
Глава 2. Совпадение	13
Глава 3. Ажиотаж	19
Глава 4. Арка	23
Глава 5. Патриаршие	28
Глава 6. Гонка	32
Глава 7. Рунический ключ	39
Глава 8. Финальная точка	45
Глава 9. Вход	50
Глава 10. Наследник	57
Гла	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Хранитель Порядка: Перекресток Миров

Глава 1. Золотая Книга

Костя не помнил, как тут оказался. Какой-то старый каменный коридор, до того узкий, что стоило повести плечом, и тут же задевал холодную, шершавую стену. В нос ударила затхлая пыль, под которой пряталось что-то еще, едва уловимое, от чего уже запершило в горле. Это было явно что-то живое, чего здесь, в этой каменной кишке, быть не должно.

«Где я?»

Он замер и только повел глазами по сторонам, боясь лишний раз шевельнуться. Но зацепиться взгляду было не за что. Стены кругом стояли без единой царапины. Ни надписей, ни хотя бы рисунка. Только коридор и запах, который все не отпускал.

Шагнул – и под ногой тут же что-то хрустнуло. Костя застыл. Медленно опустил взгляд и увидел, как под подошвами белели какие-то осколки.

«Плитка? Кость?»

Присматриваться он не стал. Не хотел знать наверняка.

Обернулся, а позади жила лишь тьма, и до того абсолютная и беспросветная, что, казалось, мир позади нее будто не существовал. А где-то далеко впереди, на самом пределе зрения, теплилось слабое золотистое свечение.

«Свет в конце туннеля? Я умер?» – мысленно простонал он и поспешно осмотрел самого себя. Тыльная сторона ладони, костяшки пальцев, родинки, даже шрам, заработанный в детстве во время бурных игр с любимой кошкой. Все на месте. Все настоящее.

«Слишком настоящее для умершего».

Собравшись с мыслями, Костя медленно двинулся к источнику света, ведь тьма за спиной выглядела гораздо страшнее. И, кажется, она еще медленно двигалась следом, как будто не желала выпускать Костю из виду.

Коридор расширился с каждым шагом, и через десяток шагов стены отступили на пару метров. Еще через сколько-то они вовсе растворились в сумраке – так, что стало непонятно, продолжался ли вообще коридор. Только золотистый свет впереди намекал, что у этого пространства есть хоть какие-то границы. Он становился все ярче и теплее.

Костя замер, когда достиг порога зала.

Нет, не зала. Слово «зал» здесь не подходило так же, как слово «лужа» не подходило для океана. Это было такое пространство, для которого у Кости не нашлось слова. Потолок терялся где-то на высоте, и ее невозможно было оценить. Там находилась просто тьма, такая же плотная, какая существовала в другом конце коридора. Стены... а стояли ли они вообще? Где-то на самом краю видимости что-то темное отражало свет, но называть это стенами было бы самонадеянно.

В центре пространства лежала Книга, которая каким-то непонятным образом светилась.

Раскрытые страницы пульсировали медленным золотым светом. И самое странное: при этом Книга выглядела совершенно обыкновенной. Небольшой фолиант страниц на двести, не больше. Ничего особенного. Просто лежала себе на полу и светилась.

«Откуда она здесь?»

Костя медленно вошел в зал.

Пол под ногами здесь отличался от того, что было в коридоре. Черный мрамор с тонкими золотыми прожилками – все они без исключения стягивались к центру, к Книге. Шаги больше не звучали глухо, как от толстого камня, – теперь в них слышался гулкий резонанс, какой появляется, когда под полом находится лишь пустота.

Костя прошел еще несколько шагов.

Зал выглядел мертвым. Серые стены – там, где они вообще проступали из сумрака, – покрылись сетью трещин. Колонны вдоль периметра накренились в разные стороны: кое-где от них остались только основания, кое-где они продолжались выше, выгрызенные временем до самых костей. Пол испещрен сколами и разломами, в нескольких местах мрамор даже провалился внутрь в такую темноту, в которую Косте совсем не хотелось всматриваться. Все здесь давно утратило величие, превратившись в руины забытой эпохи.

Но Книга светилась, озаряя живым сиянием этот мертвый зал.

Костя сделал шаг к ней. Потом второй. Третий. Но тут с ужасом осознал, что расстояние не уменьшается. Даже наоборот – с каждым его шагом Книга отдалялась, но при этом росла.

Сначала она стала размером со стол. Затем – с автомобиль. Костя продолжал идти, уже не в силах остановиться, как будто ноги действовали сами по себе, и Книга медленно, бесшумно вздувалась, превращаясь в трехэтажное здание.

– Что за... – он остановился, тяжело дыша.

Оглянулся. Вход в зал затерялся где-то на горизонте. Как далеко он прошел? Сколько прошло времени?

Костя повернулся обратно к Книге и не узнал зала.

Серость исчезла. Стены, теперь видимые, засияли белым мрамором с золотыми прожилками. Колонны, которые совсем недавно слабо напоминали колонны, сейчас восстановились и выпрямились, а также украсились резьбой, которую Костя не мог разглядеть в деталях, но при этом она казалась очень старой. Черный мрамор под ногами стал идеально ровным, и теперь в нем можно было увидеть не только золотое сияние Книги, но и собственное отражение – себя, стоявшего в зале, по периметру которого, словно музейные экспонаты, разместились миниатюры.

Костя узнал их мгновенно.

Пирамиды Гизы, окруженные песками, застывшими в воздухе так, как будто их только что разносило ветром. Ангкор-Ват, спрятанный в джунглях, листва которых не шевелилась. Колизей, величественный и еще целый. Тадж-Махал, белоснежный под лучами невидимого солнца. Статуя Христа-Искупителя с распростертыми руками. Мачу-Пикчу на краю бездонной пропасти.

И представлены были не только рукотворные чудеса света. Вдалеке разместился Гранд-Каньон с красными слоями породы. Рядом стоял водопад Виктория, вода которого висела в воздухе так, как если бы ее на секунду поставили на паузу и забыли отжать кнопку. Большой Барьерный риф – синий и зеленый одновременно, в таких сочетаниях, каких у живой воды обычно не встречается.

От каждой миниатюры к Книге тянулась тонкая золотистая нить. Костя долго на них смотрел, стоя неподвижно.

Потом снова пошел вперед, причем сам не заметил как. Два шага, еще пара, еще. Поднял глаза – а Книга опять выросла. И теперь она была размером с девятиэтажный дом, а под ней непонятно откуда появился массивный постамент из черного камня, испещренного рунами. Страницы Книги, каждая размером с кита, покрылись письменами, движущимися неведомым образом. Не так, как движется текст при чтении. По-другому. Символы текли по бумаге, как ртуть, перетекая друг в друга, складываясь в узоры, и тут же эти узоры терялись, собираясь во что-то новое. Это не поддавалось чтению. Впрочем, символы и не стремились быть прочитанными. Они просто... были.

«Это что вообще за язык?»

Костя попробовал зацепиться хоть за один знак. Выделить его из потока, разглядеть, чтобы потом его проанализировать. Но взгляд скользил по странице и не мог понять, где знак начинался, а где заканчивался. Это была сплошная вязь.

Вдруг где-то на заднем плане заиграла музыка.

Сначала она не привлекла Костиного внимания: тихая, ненавязчивая мелодия, похожая на далекий звон колоколов. Но с каждой секундой музыка становилась громче и настойчивее, давя на уши нарастающей волной, безуспешно пытаясь донести какой-то важный смысл.

Затем резко наступила тишина, и Костя запнулся, оглушенный ею больше, чем музыкой. Даже мелькнула смутная мысль: «*А ведь мелодия знакомая*».

Он отмахнулся от этого осознания и продолжил двигаться вперед, и тут миниатюры чудес света начали меняться.

Вокруг сначала стояли Стоунхендж, Висячие сады, Чичен-Ица, Петра. Костя моргнул – и на их месте оказались Великая Китайская стена, остров Пасхи и Ниагарский водопад. Еще моргнул – теперь гора Эверест, Северное сияние, Мертвое море. Каждый раз – другие чудеса. Каждый раз – незаметная смена. Казалось, что если отвести взгляд, то мир в этот момент умудрялся переставить экспонаты, прежде чем Костя успевал обернуться. И от этой пугающей закономерности становилось дико не по себе.

Но если не отворачиваться, то лучи света, падающие на миниатюры, становились постепенно все ярче. Вскоре они уже указывали на конкретные точки на каждом чуде: маленькие символы, выгравированные в камне, врезанные в породу, скрытые в рельефе или внутри рукотворной конструкции.

Костя прищурился, всматриваясь в ближайшую миниатюру – Александрийский маяк. На одном из внешних каменных блоков светилась странная угловатая руна, местами несимметричная, с маленькой точкой в правом верхнем углу.

Он перевел взгляд на Книгу. На одной из ее гигантских страниц та же руна текла в потоке символов. Она медленно выныривала, исчезала, выныривала снова. Самое удивительное, что теперь удавалось узнать только ее.

«*Они связаны*», – предположил Костя и сразу же попытался вспомнить, видел ли он когда-нибудь такие символы в реальности. Руническая письменность древних германцев, египетские иероглифы, шумерская клинопись?

Но тут возникла оглушительная музыка.

Она заполнила весь зал, вибрируя в каждой клетке его тела. Некогда приятная мелодия уже превратилась в грохот, в рев, в какофонию звуков, которые разрывали мысли на части. Костя зажал уши ладонями. Бесполезно, потому что звук шел изнутри, откуда-то из головы.

– Хватит! – крикнул он, но не услышал собственного голоса.

Костя бросил все попытки что-либо самостоятельно вспомнить и решил воспользоваться телефоном, чтобы в интернете поискать похожую письменность. Сунул руку в карман джинсов – пусто. Другой карман, задний.

Ничего.

– Где мой телефон? – пробормотал он, оглядываясь, словно телефон мог лежать где-то на полу этого нереального зала.

Музыка стала невыносимой, а золотой свет теперь уже слепил. Книга выросла до размеров небоскреба, и ее страницы колыхались, как паруса во время шторма, а руны превратились в огненные реки, текущие сверху вниз по бумаге размером с футбольное поле.

– ГДЕ Я ЕГО ОСТАВИЛ?!

Рука Кости потянулась к тумбочке.

Он нащупал вибрирующий телефон и коснулся кнопки – выключил будильник. Тишина...

Костя лежал в собственной кровати. Простыня смялась под боком, одеяло сбилось в комок под ногами. Утренний холодок заползал в форточку, неся с собой майские запахи: молодой листвы, свежей влажной земли и цветущей сирени, которая разрослась во дворе. Где-то вдалеке прогудела фура, а в кустах под окном прочирикали воробьи. Это была его квартира в Москве, и в ней точно никаких чудес света в миниатюре не хранилось.

Костя сел с телефоном в руке, уставившись на экран. Горело: «06:41. Среда». Перевел взгляд на стену напротив, какое-то время приходил в себя. Потом, почти машинально, открыл браузер и набрал в поисковой строке: «древняя письменность фото».

Палец дернулся над иконкой поиска и остановился в последний момент.

«А что, собственно, я хотел найти?» – нахмурившись, он спросил сам у себя. – *Зачем мне сейчас письменность умерших цивилизаций? Я же не пишу про...»*

Часы на экране смартфона моргнули и беззвучно показали «06:42». Тут до Кости и дошло: он проспал. Причем проспал два будильника и буквально пару минут назад на автомате выключил третий – тот, что стоял на случай настоящей катастрофы вроде конца света. До офиса час езды, работа с восьми, а на сборы и завтрак уже не оставалось ничего. Сердце ухнуло и понеслось вскачь.

– Черт! – выругался Костя, скатываясь с кровати, и рванул в ванную, споткнувшись об одеяло.

Стоя перед зеркалом и яростно работая щеткой, он поймал взгляд собственного отражения. Растрепанные темно-русые волосы расчесывать уже было некогда, да и на бритье времени снова не осталось, поэтому приходилось лицезреть, как пятидневная щетина уверенно превращалась в густую бороду. Под заспанными зелеными глазами виднелись синяки, ставшие уже привычными. Губы, как и всегда, потрескались. Это было обычное лицо тридцатилетнего мужчины, который проспал и опаздывает на работу.

«Сегодня обязательно лягу пораньше», – мелькнула мысль в голове.

Это была ложь, о чем Костя прекрасно знал. Вечером снова засидится за компьютером до двух ночи, а утром повторится то же самое.

Его жизнь не отличалась ничем необычным.

Днем – офис крупной ИТ-компании в центре Москвы. Гул кондиционеров, встроенных в потолок, к которому через неделю пересташь прислушиваться; типичные серые перегородки; старенькие компьютеры, уже устаревшие на момент поставки. Код, баги, дедлайны и, конечно же, постоянные совещания. Ко всему этому добавлялись заказчики с неизбежным «слушай, тут небольшое изменение», которые появлялись именно в пятницу вечером, когда все сотрудники мысленно уже отправились на выходные. О восьми часах в день приходилось только мечтать. Стабильно было только в корпоративной столовой, где щи по вторникам не менялись с того дня, как Костя сюда устроился, и, судя по всему, меняться не собирались.

Вечером – настоящая жизнь.

Костя возвращался домой, разогревал что-нибудь в микроволновке, садился за собственный компьютер – не за рабочий ноутбук, а за мощную сборку с двумя мониторами, на которую полгода копил, – и начинал писать.

Фантастические миры с космическими империями. Древние цивилизации, истлевшие задолго до того, как люди слезли с деревьев. Герои, которые спасали миры, либо же их губили, причем иногда это происходило в одной и той же книге. Под псевдонимом «Константин Северов» у него было несколько серий изданных книг, тысячи подписчиков в соцсетях, аккуратные положительные рецензии на профильных форумах. Не бестселлеры, конечно, но они стабильно окупались и приносили заметную прибавку к зарплате. А сейчас Северов сотрудничал с издательством «Горизонт», которое уже опубликовало восемь книг про исследователей Виктора и Анну – нечто среднее между Индианой Джонсом и Ларой Крофт с поправкой на российскую аудиторию и соответствующую долю иронии.

При этом у Кости имелась тайная, почти детская мечта, о которой он не рассказывал никому. Даже маме, которая регулярно звонила по воскресеньям, каждый раз аккуратно интересуясь, не пора ли ему «найти вторую половинку». Ну и Андрею, с которым дружил еще с университета.

Мечта звучала так: *«Однажды мои книги экранизируют»*.

Наивно, конечно, но наивность была оправданна, потому что заставляла его продолжать писать дальше.

А странный сон с золотой Книгой довольно быстро стерся из памяти. Изредка всплывало что-то – какой-то зал, чудеса света, – но и только. Костя полностью погрузился в свою работу, офисную и домашнюю, в которой чудесам не было места.

Пока не прошло полгода.

Вечер выдался мерзким. За окном моросил холодный дождь, и московские огни расплывались в мокром стекле. Привычная обстановка комнаты тоже выглядела серой и неуютной, хотя стекло отгораживало ее от непогоды.

Костя сидел перед пустым документом Word, уставившись на курсор. Тот мигал, мигал, мигал, и от мелькания этого единственного живого пикселя на белом экране начало тянуть в висках, как от старого монитора с плохой разверткой.

Не было написано ни строчки. Часы в углу экрана показывали 02:37.

– Черт, – отчаянно прошептал он.

Послезавтра – встреча с редактором издательства «Горизонт». Там ждут концепцию нового цикла книг про полюбившихся читателям Виктора и Анну. Три-четыре тома. Очень выгодный контракт. Такой, после которого можно уйти с работы, писать только это – и больше ничего.

Но для начала необходимо придумать концепцию.

А концепции не было, впрочем, как и мыслей в голове.

Костя перепробовал все – за этот вечер, наверное, в седьмой раз. Открывал чистый файл. Заглядывал в старые папки с черновиками – те, которые годами хранились на отдельном жестком диске на случай «вдруг пригодится». Заваривал слишком крепкий чай, пил его без сахара, чтобы хоть немного взбодриться. Перелистывал любимые книги – не читая, просто скользил глазами по строчкам в надежде, что какая-нибудь да зацепит. Минут двадцать стоял у окна и смотрел, как мокрые ветви бьются в свете фонаря.

Каждый раз – пусто.

И каждый набросок, который удавалось из себя выдавить, читался как затертая копия чего-то, что Костя уже когда-то писал.

«Соберись, – он отвесил себе мысленный пинок, уставившись на экран, как делал много раз до этого. – И выдай хоть сколько-нибудь приемлемую идею. Давай, это несложно».

Но гипнотизируемый взглядом экран не показывал новых строк, а уставший мозг отказывался призывать вдохновение по щелчку пальцев. Отчаяние начало сменяться давящим чувством обреченности, и, в конце концов, Костя сдался, закрыл ноутбук и решил отправиться спать.

Ситуация оказалась патовой: если за оставшийся день идеи не будет, контракт уйдет, а вместе с ним год работы, аванс, выгодные проценты с тиража и, что хуже всего, репутация. Издательство «Горизонт» хоть и небольшое, но слухи в писательских кругах разлетаются быстро, не щадя никого – слишком высока конкуренция в этой сфере, слишком много желающих оказаться на месте Константина Северова. После такого провала его вряд ли кто-то рискнет брать в серьезный проект, а если и рискнет, то подумает перед этим десять раз.

Костя рухнул на кровать, не раздевшись, и провалился в сон, успев подумать перед этим: *«Пожалуйста, пусть приснится хоть что-то полезное»*.

И, как по заказу, снова оказался в Божьем Склепе. Непонятно, почему это название пришло в голову, но Костя понял, что зал стоит называть именно так. Золотая Книга снова сияла в центре; чудеса света стояли по периметру; черный мрамор покрывал пол под ногами. Тишину, которая казалась почти абсолютной, нарушало только далекое эхо его собственных шагов.

– Я здесь уже был, – произнес Костя, оглядываясь.

Его голос прокатился по залу и эхом вернулся назад, показавшись чужим. Вроде бы он принадлежал Косте, но звучал уже чуть старше и значительно глубже.

Северов замер, ожидая, что вот-вот проснется: ведь так обычно и бывает, когда понимаешь, что спишь, – реальность сразу дает трещину и отпускает. Но трещина не появилась, и сон не отпускаял.

Костя посмотрел на свои руки. Сжал в кулаки, разжал. Хлопнул себя по щеке – щека отозвалась резким жжением. Ущипнул предплечье – больно, по-настоящему, до маленькой багровой отметины на коже.

Сон не прервался.

– Осознанное сновидение? – удивленно пробормотал он.

Об этом феномене, когда спящий человек понимает, что видит сон, но не только не просыпается, но еще начинает его контролировать, Костя слышал и даже пытался вызвать такое состояние несколько лет назад. Читал статьи и проводил «проверки реальности», но все безуспешно.

А теперь оно пришло само.

Костя огляделся. Зал выглядел размытым на краях, как акварельный рисунок, где краски слегка растеклись. Или же как изображение с низким разрешением, у которого по периметру пиксели не успевали подгружаться. Чудеса света меняли форму, если не смотреть на них прямо. Книга пульсировала золотым светом: то ярче, то тусклее.

«Определенно сон, – заявил он себе, пытаясь в это поверить. – Значит, можно не паниковать: рано или поздно проснусь. Но раз уж я здесь, то почему бы не посмотреть, что тут вообще творится?»

Для начала Костя постарался разглядеть Книгу на постаменте. Внимание привлекли угловатые руны – огромные страницы были испещрены этими ни на что не похожими символами с едва угадываемой внутренней логикой.

Вспомнив прошлый раз, он мысленно усмехнулся Книге: *«Ближе не подойду, да?»*

Попробовал сделать шаг, потом следующий. Мысленно ругаясь, прошел, кажется, с километр, но расстояние до Книги не сократилось даже на тысячную часть. По-прежнему недоступная, она теперь возвышалась, как небоскреб, и дразнила, как музейное сокровище под стеклом.

Подозрения подтвердились. Вздохнув и осмотревшись, Костя подумал: *«Если Книга недосыгаема, то, может, мне стоит попробовать подойти к чудесам света?»*

Его глаз тут же зацепился за знакомый силуэт у дальней стены, где в полумраке едва угадывались очертания египетских пирамид. Величественные сооружения, производившие впечатление даже в миниатюре, заставили невольно улыбнуться: Костя ведь там когда-то был. В настоящем Египте, у настоящих пирамид. Туристическая поездка пять лет назад стала одной из лучших в его жизни. До сих пор он помнил, как горячий песок скрипел под подошвами кроссовок, как солнце палило немилосердно и как гид пытался собрать в кучу разбредающих туристов, как насадка своих цыплят.

– Пирамиды так пирамиды, – решил он вслух, после чего направился к ним.

По мере приближения миниатюра росла. Сначала она стала размером с письменный стол, затем с автомобиль, с двухэтажный дом. Костя шел, не останавливаясь. Время в этом сне явно шло как-то по-своему: то растягивалось, то сжималось, и оценить, сколько он уже идет, было невозможно. В какой-то момент пирамиды достигли натурального размера и больше не росли.

Черный мрамор под ногами превратился в абсолютно реальный песок. Он был теплым и сыпучим. Костя даже присел на корточки и зачерпнул горсть, чтобы в этом убедиться. Песчинки потекли между пальцами, оставляя едва заметные царапины на коже.

Северов поднял голову.

Пирамиды стояли перед ним – все три, в правильном порядке, в нужных пропорциях. Костя медленно прошелся взглядом снизу вверх по ближайшей. Гигантские блоки, идеально

подогнанные друг к другу. Между ними, как он помнил по той самой поездке, не пролезает лезвие ножа – гид тогда специально полез показывать, и нож действительно не прошел, и группа, посмеявшись, ему похлопала.

Все в точности, как в реальности.

Ну, почти.

От невидимого источника где-то высоко над головой к туристическому входу ближайшей пирамиды – огороженному металлическими перилами, все как полагается, – тянулся тонкий луч золотистого цвета, напоминая лазерный прицел.

«Приглашение?» – усмехнулся Костя. – Ну что ж. Почему бы и нет? Все равно я во сне».

Внутри пирамиды было прохладно и темно. Узкие коридоры, низкие потолки, от которых веяло древностью. По реальной поездке Костя помнил этот лабиринт, заставлявший постоянно пригибаться. Также помнил туристов, которые толкались в очереди к Камере Царя, а еще гида, говорящего заученными фразами о точности египетского календаря.

Но сейчас здесь не было ни туристов, ни какого-либо гида. Никого. Лишь тонкий луч света скользил впереди, слишком яркий для этих темных коридоров, и на каждом повороте он показывал, куда сворачивать.

Костя пошел за ним, как за нитью Ариадны.

Коридоры извивались. Где-то опускались, потом поднимались. Местами сужались так, что приходилось протискиваться боком, а иногда расширялись в неожиданные залы, которые не упоминались ни в одном путеводителе.

Время снова исказилось. Может, прошло полчаса. Может, два часа. Но в конце концов луч остановился, и Костя вместе с ним.

Впереди оказалась стена. Обычная каменная кладка, ничем не примечательная, причем такая же, как тысячи других блоков в этой пирамиде.

«Нет, не такая же. Это что? Руны?»

Те самые символы, что он видел на страницах золотой Книги. Три ряда, по шесть рун в каждом. Они пульсировали теплым золотым светом. Угловатые линии и завитки. Математическая гармония, которая определенно ощущалась, но Костя никак не мог объяснить, в чем именно она заключалась.

– Что это? – прошептал он, протягивая руку.

Коснулся камня, почувствовал тепло, и тут же руны вспыхнули ярче, а сквозь ладонь прошла слабая вибрация. Затем возникло ощущение, что голова наполнилась водой, оказывающей чудовищное давление на стенки черепа. Костя схватился за голову и застонал. Однако боль схлынула так же резко, как и пришла. Осталось только тепло: в ладони и где-то глубоко в груди.

«Что за чертовщина и откуда здесь эти символы?! В настоящих пирамидах такого точно не было...»

А потом он сам себя одернул.

«Хотя... о чем это я? Это же сон. Здесь все возможно».

Костя отступил на шаг и начал разглядывать знаки. Воспоминание о боли быстро стерлось, как будто ее никогда и не было. Сейчас в голове осталось только желание запомнить эти руны. Для надежности стоило бы их зарисовать, а еще лучше сфотографировать.

Он машинально потянулся к карману, где обычно лежал телефон.

Пусто.

«Ну, конечно, – усмехнулся Костя. – Во сне не бывает телефонов».

И тут где-то вдалеке зазвучала мелодия. Тихая, еле слышная, но эту мелодию Костя узнал бы где угодно. Та же, что полгода назад играла в зале Склепа.

Будильник.

– Пора просыпаться, – вздохнул он, бросив последний взгляд на светящиеся руны.

Восемнадцать сложных символов. Если говорить честно, то его памяти на такое не хватало – это было заранее ясно. Поэтому он поспешно зацепился глазами за три самых простых: один с двумя точками внизу; другой, похожий на угловатую знакомую букву; третий с завитком сверху. Только эти запомнить успел, а остальные руны успешно ушли в небытие.

Золотой свет вспыхнул ослепительно ярко – и в следующее мгновение Костя открыл глаза в реальном мире.

Глава 2. Совпадение

Офис издательства «Горизонт» занимал верхние этажи бизнес-центра на Тверской. Костя приехал за двадцать минут до встречи. Постоял у панорамного окна от пола до потолка, понаблюдал за бесконечными потоками в городе, затем походил по светлому ковру и сел. Чуть сбоку едва слышно работал кулер. На стенах висели обложки бестселлеров «Горизонта» за последние десять лет, и Костя по привычке прочитал каждое название – два узнал, о двух слышал, остальные были незнакомы.

«Моих среди них пока нет».

Ольга Сергеевна Кравцова, главный редактор отдела фантастики, приняла его на пять минут позже назначенного.

На вид ей было около пятидесяти, но голова уже полностью покрылась сединой скорее из-за напряженной работы, чем от возраста. Волосы собраны в строгий пучок. Очки в тонкой оправе она держала в руке и ими обычно постукивала по столу, а надевала лишь тогда, когда работала на планшете.

– Костя, – Ольга Сергеевна положила руки на стол, и постукивание прекратилось. – Мы ценим то, что вы делали раньше. Действительно ценим. Но сейчас нам нужна серия, состоящая минимум из трех книг, в идеале – из четырех-пяти. Что-то масштабное, что сможет зацепить читателей надолго.

Костя кивнул. Ладони у него были мокрыми; он машинально вытер их о джинсы под столом. Затем сделал глоток горячего чая, предложенного редактором.

– Ваши герои-исследователи зашли читателям, – продолжала Ольга Сергеевна, – и они хотят продолжения. Новые загадки, новые места. Вы понимаете, о чем я?

– Понимаю.

– И? Новая концепция у вас есть?

Это был момент истины.

Вчера утром, сразу после пробуждения, Костя схватил блокнот и записал все, что запомнил: невероятно реалистичную пирамиду Хеопса; три руны, найденные внутри, и золотой луч, указавший путь. Потом Костя сел за компьютер – и слова пошли чересчур быстро.

За несколько часов он написал связную, выстроенную легенду на двадцать страниц, включающую историю о Хранителе Порядка, происхождение Земли, а также Божий Склеп с подробным способом добраться до него. Когда часы уже давно перевалили за полдень, Костя перечитал полученный текст и почувствовал что-то не то.

Это было не удовлетворение от хорошей работы. Он не помнил момент, когда решил, что между Марсом и Юпитером находился протопланетный камень. Не помнил, как придумал Склеп в центре земного ядра. Не помнил ни одного «а что, если...» и ни одного сюжетного стыка. Обычно Костя еще долго переосмысливал каждое решение, но не сейчас, ведь перед ним уже лежал готовый стройный текст с внутренней логикой, которую сам бы выстраивал неделями.

Медленно перечитал еще раз. Дочитал до конца и выключил компьютер.

«Слишком хорошо для нескольких часов работы».

Он списал это на адреналин. На удачу или обычное вдохновение. Ведь не исключено, что какие-то вещи могут просто так сами по себе сложиться. Сейчас, через сутки, в кожаном кресле напротив Ольги Сергеевны, пришло время выкладывать ночную находку.

– Идея есть. Можно сказать, что целая легенда, из которой может получиться серия книг.

Ольга Сергеевна подняла бровь.

– Слушаю.

– Жил-был мудрец, – начал Костя. – Существо невероятной силы и разума. Он распространял свое учение по Вселенной и объединял миры. Иногда воздвигал цивилизации на пустых планетах, а иногда уничтожал те, что сбивались с пути. Поэтому одни народы чтили его как Бога, другие же боялись как Разрушителя. Сам мудрец называл себя Хранителем Порядка.

Очки замерли в ее руке.

«Слушает, уже хорошо».

– Прошли тысячелетия. Хранитель был бессмертным, но не вечным. Знаю, странно звучит, но это так, ведь однажды он осознал страшную правду: его время подходит к концу. Вселенная расширялась все быстрее, а Хаос стремительно набирал силу, и Хранителю в одиночку никак не удастся сдержать растущую угрозу. Поэтому он решил найти наследника – того, кто продолжит его дело.

– И? – Ольга Сергеевна наклонилась вперед.

– Мудрец искал по всей Вселенной, но не нашел достойного. И тогда решил создать своего преемника сам. Выбрал молодую звезду – наше Солнце. Между Марсом и Юпитером заметил протопланетный камень, который в будущем мог стать колыбелью жизни. Но не в текущих условиях, ибо там они были слишком суровы.

Костя сделал паузу для эффекта.

– Поэтому Хранитель взорвал этот камень и часть обломков сместил на новую орбиту, поближе к Солнцу. Эта планета вскоре стала называться Землей, а на месте взрыва появился астероидный пояс – шрам от вмешательства мудреца.

Очки бесшумно легли на планшет.

– Хранитель создал жизнь на Земле, начиная с микроорганизмов, – продолжал писатель. – Он знал, что эволюция сделает свое дело. Затем создал геологическую структуру планеты – мантию, ядро. А в самом центре Земли, то есть внутри ядра, построил Божий Склеп. Именно там он оставил все свои знания и все секреты бытия.

Костя сделал глоток остывшего чая и продолжил:

– Вход в Склеп, конечно же, Хранитель спрятал. Но оставил подсказки в чудесах света, раскиданных по всей планете. Часть он сам создал, часть людям помог возвести, и в каждом чуде потом спрятал руны – это символы, которые вместе складываются в ключ к Склепу. Внутри же разместил Божьи Письмена, способные наделить любого силами, подобными самому Хранителю.

Тишина.

– Мои герои, Виктор и Анна, – продолжил Костя, – начинают исследовать эту легенду. Первая книга – они находят первые руны в пирамидах Гизы. Вторая – основной упор на Стоунхендж, но будут перечислены и другие рукотворные чудеса света. Третья – упор на природные чудеса. Четвертая – финальная головоломка и путь к Склепу. А пятая...

Он позволил себе улыбнуться.

– Пятая книга о том, что они находят внутри, и это меняет все.

Ольга Сергеевна надела очки и что-то набрала на планшете. Последовала долгая пауза.

– Это не высокая литература, – произнесла она наконец. – Это... довольно банально, если честно.

Костя замер, решив, что все кончено.

– Но, – она улыбнулась, – это работает. Такая история может зацепить аудиторию. Наши читатели любят, когда раскрывается побольше тайн с приключениями. Но у вас еще и такой глобальный масштаб. Да, банально. Но банальное обычно хорошо продается. Поэтому контракт ваш.

Северов несколько секунд просто смотрел на нее, ожидая какого-либо подвоха с невыгодными условиями или момента, когда она себя поправит.

– Правда? – спросил он тихо.

– Правда. Аванс мы готовы сразу выплатить. – Она развернула планшет, где указывалась сумма, от которой у Кости перехватило дыхание. – Этого должно хватить, чтобы вы могли сосредоточиться только на книгах. Три минимум. Дедлайн – восемнадцать месяцев на всю серию. Справитесь?

– Справлюсь, – выдохнул Костя.

Заявление об увольнении он написал на следующий день.

Его непосредственный начальник, Семен Валерьевич, лысеющий мужчина с вечно недо-вольным лицом, даже не поднял глаз от монитора.

– Серьезно? Писатель решил, что прославился?

– Я получил контракт на серию книг, – спокойно ответил Костя. – Достаточно крупный, чтобы жить на эти деньги.

Семен Валерьевич фыркнул.

– Ну-ну. Через полгода вернешься, когда деньги кончатся. Место не обещаю.

Костя улыбнулся.

– Не вернусь.

И не вернулся.

Три года спустя.

Северов стоял посреди гостиной квартиры, причем не в съемной однушке на окраине, а в собственной двушке в Лефортово. Ремонт скромный, но все свое: свет, интернет, диван, мощный компьютер. Правда, куплено в ипотеку, но зато теперь не нужно было думать о хозяйке, не нужно платить за ремонт стиральной машины, которая вечно текла.

Сейчас он смотрел на стопку. Пять книг. Первые три написаны за полтора года, на оставшиеся две понадобился еще год, после чего все книги переиздали в обновленном стиле. Корешки – черные с золотой буквой «С» внизу, серия «Хранитель Порядка». На обложке первой – Виктор в полевой панаме сидел на корточках у древних знаков, нарисованных слишком детально. Косте многократно приходилось переделывать все иллюстрации, чтобы они полностью соответствовали тому, что он видел в своих снах. Редакторы негодовали, но, благо, пожелания автора учли.

В итоге, серия зашла. Не Стругацкие и не Лукьяненко, конечно, но для молодого писателя-фантаста – невероятное достижение. Общий тираж уже перевалил за двести тысяч, и в последнее время спрос начал резко повышаться, поэтому «Горизонт» планировал издать дополнительные сто тысяч. Переводы на английский, немецкий и китайский – в работе. Продюсерская компания недавно прислала запрос на экранизацию цикла. Костя пока не ответил, хотя это было его давней мечтой. А все потому, что он подозревал продюсерскую компанию в обычной скупке прав, чтобы те не достались конкурентам. То есть ни о каких реальных съемках, конечно же, речи нет.

А главное – на заработанные деньги можно было жить. Еще не богато, но зато уже не требовалось возвращаться в офис, который Косте успел за прошедшие три года аж три раза присниться.

Ольга Сергеевна была права – история и правда оказалась банальной. Критики звали серию «Кодом да Винчи на стероидах» и «очередной фантазией про древние тайны». Костя и сам это понимал. Но читателям зашло. Они покупали книги, спорили на форумах о значении третьей руны, рисовали фан-арт, в котором Виктор и Анна выглядели всегда красивее, чем Костя их описывал. На последнем «Комик-Коне» он подписал четыреста экземпляров за день, после чего рука с трудом сгибалась.

Виктор и Анна стали любимцами. Археолог, который сомневается во всем подряд. Журналистка, которая верит во все подряд. На паре подкастов даже спрашивали, чем дело закон-

чится у них – поженятся ли – и Костя ловил себя на том, что сам не знает. Его герои как будто жили своей жизнью, а он просто описывал их приключения, как внешний наблюдатель.

И главное, чего Костя не понимал, – почему. Почему сработало? Почему читателям нравится именно это? Он ведь просто записывал то, что приходило с вдохновением после очередного сна про золотую Книгу, а она по-прежнему приходила к нему чуть ли не каждую неделю. Также Костя не прекращал исследовать чудеса света, расставленные миниатюрами вокруг Книги, и постоянно находил новые руны, прикосновение к которым приносило какое-то абстрактное знание. Казалось, ничего не менялось, но спустя время приходило очередное вдохновение, а с ним и новые идеи для приключений Виктора и Анны.

Спустя какое-то время Костя еще заметил, что после каждого сна страницы золотой Книги почему-то становились все понятнее. Конечно, осмыслить текст все еще было невозможно, но зато отдельные знаки уже удавалось выделить. К чему это в конечном итоге приведет – непонятно, а также неизвестным оставался источник всех этих снов и необычных знаний. Игра подсознания или что-то большее? Впрочем, это не было темой для беспокойства, главное ведь, что идеи не прекращались.

Костя подошел к окну. В двух кварталах – осенний Лефортовский парк. Голые деревья никак не мешали людям наслаждаться прогулкой. Город жил своей жизнью, и никакой золотой Книги в нем не было.

«История о мудреце, – в очередной раз убеждал он себя. – Я ее выдумал. Просто выдумал. Правда ведь?»

Никто не отвечал.

А где-то глубоко, под воздействием игры воображения, звучала мелодия. Та самая. Будильник из Склепа, который оказался обычным будильником.

«Это просто вдохновение. Просто необычайно яркие сны. Ничего мистического».

Но глубоко внутри он уже давно сомневался.

«Ладно, пора выходить».

Костя сейчас сильно переживал. У него ведь на сегодня было назначено интервью на канале «Культура Сегодня» – популярном YouTube-канале, специализирующемся на беседах с писателями, режиссерами и художниками. Два миллиона подписчиков, средний просмотр ролика – 300-400 тысяч.

Северов легко продержался целый час.

Студия у «Культуры Сегодня» оказалась небольшой – две лампы с зонтиками, кирпичная стенка за спиной, явно бутафорская, и кофемашина в углу, которая шипела все интервью. Оператор сидел за вторым столом, не вмешивался, время от времени поглядывал в ноутбук. Екатерина Волкова – ведущая канала – оказалась значительно старше, чем выглядела на первый взгляд. Лет сорока, а на вид не старше тридцати. Когда вопрос был ей самой интересен, она наклонялась чуть вперед и наклоняла голову набок, будто плохо слышала.

Спустя час разговора Костя уже не следил за этим жестом, он полностью расслабился.

– Константин, – сказала Екатерина, – а откуда вообще взялась идея этой легенды о Хранителе? Просто придумали? Или была какая-то отправная точка?

Костя улыбнулся и честно ответил:

– Прозвучит странно, но мне она приснилась.

Екатерина наклонила голову чуть сильнее.

– Подождите, как это – приснилась?

– Причем не единожды. Сон постоянно повторялся, добавляя новые детали, и мне приходилось просто записывать все, что запоминал. Золотая Книга в каком-то древнем зале, чудеса света по периметру, руны. Иногда знания приходили сами собой, когда я касался этих непо-

нятных рун. Чем длиннее становилась серия, тем сильнее у меня возникало ощущение, что я не сочинял, а как будто переписывал чью-то историю.

– Как романтично! – рассмеялась Екатерина. – Значит, если кто-то захочет найти Божий Склеп в реальности, ему нужно просто хорошо выспаться?

– Примерно так, – рассмеялся Костя в ответ.

Видео вышло в четверг. К воскресенью оно набрало полмиллиона просмотров – это было заметно больше среднего у канала, и Костя поначалу даже подумал, что случайно попал в какой-то удачный сезон. Но к утру понедельника просмотров стало уже под семьсот тысяч, и в тот же день пришло первое письмо.

«Тема: Легенда о Хранителе – научное обоснование.

Уважаемый Константин Северов,

меня зовут Игорь Сергеевич Крылов, доктор наук, специалист по древним цивилизациям и экспериментальной геоархеологии. Ваше интервью меня глубоко заинтересовало.

Описанные в ваших книгах руны имеют аналоги в малоизученных археологических находках. Более того, ваша гипотеза о «резонансных точках» в чудесах света коррелирует с некоторыми геофизическими аномалиями...»

Костя письмо дочитывать не стал. Закрыв вкладку, потер глаза. Адрес отправителя был с университетской почты – не из какого-то выдуманного института, и это слегка царапнуло. Но «доктор наук», написавший автору фантастики после интервью, – это все-таки чаще всего либо энтузиаст со степенью, либо человек, который решил подвести под чужой беллетристический сюжет научный фундамент. Костя за последние три года таких писем получил уже немало.

– Чушь, – пробормотал он. – Очередное совпадение.

Но письма продолжали приходить.

От археологов, физиков-теоретиков, историков, всяких энтузиастов и даже от конспирологов. Одни называли его теорию «интригующей гипотезой», другие – «прорывом». Некоторые честно спрашивали разрешение использовать книги как «путеводитель по поиску артефактов», но большинство тихо выкупили весь выпущенный тираж, что не могло не радовать издательство «Горизонт».

Костя игнорировал большинство писем. Люди ведь всегда ищут тайны там, где их нет, а нашумевшее интервью, как и следовало ожидать, дало повод написать всем, у кого была хоть какая-нибудь любимая теория про древние цивилизации.

Но потом случилось невозможное.

Заголовок в «Московском комсомольце»:

«Археологи обнаружили загадочные символы в пирамиде Хеопса – точь-в-точь как в книге Северова».

Костя прочитал статью трижды. В ней описывалось, как в ходе международной экспедиции под руководством Игоря Сергеевича Крылова внутренние стены пирамиды Хеопса были обследованы люминоскопом в ультрафиолетовом диапазоне. И в одной из хорошо изученных ранее камер приборы зафиксировали, что при продолжительном непрерывном облучении известняка минеральные вкрапления неожиданно начинали проступать все ярче, складываясь в рунические символы. Причем именно в этом месте Северов в своей первой книге изобразил скрытые руны, которые его герои обнаружили тем же способом.

Доктор Крылов в финале статьи был процитирован: «Не исключая, что это может являться странным совпадением, поэтому мы решили проверить другие локации из цикла. Предварительные результаты... интригующие».

«Кто-то это подстроил. Явно хайп или розыгрыш», – Костя сидел на диване с газетой в руках и не мог поверить в прочитанное. Он даже предположил, что издательство «Горизонт» само заказало эту статью для разогрева продаж. Версия была удобной, но при ближайшем рас-

смотрении не выдерживала никакой критики, ведь для разогрева продаж не подписываются реальной фамилией чужого ученого, да еще и со ссылкой на серьезную международную экспедицию, не имеющую какой-либо связи с издательством.

Это настораживало, но Костя решил не заморачиваться слишком сильно. Вот только дальше последовали другие сенсации.

Сначала – остров Пасхи.

Группа чилийских и японских исследователей обследовала основания статуй моаи люминескопом – тем же методом, который использовался в пирамидах Хеопса, – и в структуре вулканического камня обнаружились следы символической резьбы, которые в обычном свете оставались незаметными. Двенадцать из восемнадцати символов совпадали с рунами в «Камнях мудрецов» – второй книге цикла.

Северов узнал об этом поздно ночью, когда листал ленту перед сном. Долго сидел неподвижно, телефон в полусогнутой руке, экран постепенно гас, а Костя снова и снова его включал и перечитывал, чтобы убедиться, что не померещилось. По привычке стал прикидывать, могло ли это быть подстроено: чилийская и японская команды одновременно – это уже не «Горизонт» с заказной статьей. Это либо настоящее открытие, либо очень дорогая мистификация. А мистификации, особенно дорогие, кто-то ведь должен оплачивать, и Костя не видел, кому такое могло быть нужно. Никакая раскрутка цикла не стоила того, чтобы облучать вулканический камень под статуями моаи.

После третьего перечитывания он понял, что ему срочно нужно с кем-то поговорить.

Открыл переписку с Андреем – лучшим другом еще с первого курса. Тот работал архитектором в небольшом бюро на Таганке, читал фантастику только перед сном, для отключения мозга, и никогда не понимал, что Костя находит в «этих заумных книжках». Зато умел слушать. И умел говорить то, что нужно было услышать, а не то, что хотелось.

– Это совпадение, – написал Андрей в ответ, почти сразу, хотя часы показывали час ночи. – Ты видел достаточно фотографий острова Пасхи, чтобы подсознание могло выгащить что-то похожее.

– Двенадцать из восемнадцати символов, – попытался возразить Костя. – Один к одному.

– Двенадцать из восемнадцати – это не все. Третий не совпал. Это называется «достаточно неточное совпадение, чтобы быть случайностью».

– Но...

– Костя, иди спать. Seriously.

Северов закрыл переписку и уставился в потолок. Аргумент Андрея, если смотреть трезво, был успокаивающим – треть и правда не совпала, а для случайного совпадения этого могло быть достаточно. Но все равно: заснуть в ту ночь Костя смог только под утро.

И не успел выкинуть тревожные мысли из головы, как через неделю пришли новости из Тадж-Махала. Группа индийских и британских ученых объявила, что в нескольких замковых камнях основания мавзолея – глубоко под мраморной облицовкой, в тех местах, куда туристы никогда не пускали, – обнаружены кристаллические включения с нетипичной структурой. При определенном угле освещения ультрафиолетом кристаллы образовывали узоры, которые исследователи немедленно сравнили с иллюстрациями из «Тайны Востока» – третьей книги Северова.

Через три дня – Теотиуакан. Дорога Мертвых. Там работала другая команда, но получила те же результаты: скрытые символы в основании пирамиды Солнца – именно там, как в одной из книг цикла «Хранитель Порядка». Причем выглядели руны практически так же.

Костя больше не открывал новостные ленты. Любая прочитанная статья упорно возвращала мысли к одному моменту – к той мольбе перед сном, брошенной в никуда: *«Пожалуйста, пусть приснится хоть что-то полезное»*. А ведь именно с того мгновения все и закрутилось. Выходит, кто-то действительно откликнулся на те слова?

Глава 3. Ажиотаж

Прошло несколько месяцев.

Костя не следил за датами, зато четко фиксировал плотность входящих писем. В ноябре их приходило по десятку в день. К декабрю – по несколько десятков. Тогда же Северов перестал на них отвечать, а читать – в середине января. И только в феврале завел отдельный ящик для прессы, который отдал менеджеру «Горизонта». Однако на личную электронную почту письма все же продолжали поступать.

Жизнь внешне не изменилась. Он вставал, писал новые истории, встречался с Андреем по пятницам. Отвечал на звонки мамы.

Только сны не останавливались.

– Читал последнее? – спросил Андрей, когда они встретились вечером в кофейне на Пятницкой – одной из немногих, куда Костя еще решался ходить, потому что здесь его почти не узнавали.

– Про Ангкор-Ват?

– Какой еще Ангкор-Ват? Я про правительственную программу. Российскую.

Костя поднял взгляд.

– Российская программа?

Андрей развернул телефон экраном к нему. Короткая заметка из «Ведомостей», датированная вчерашним числом: Министерство науки и высшего образования совместно с Российским географическим обществом объявило о создании исследовательской группы для изучения «аномальных геологических и археологических феноменов в местах расположения объектов исторического наследия». В числе научных консультантов был упомянут доктор Крылов.

– Они используют твои книги как техническое задание, – сказал Андрей. – Буквально. Крылов цитировал твои «Камни мудрецов» в интервью на прошлой неделе.

Костя поставил чашку на блюдце. Слишком резко, и кофе плеснул через край.

– Знаешь что, – продолжал Андрей, – я погуглил этого Крылова. Прочитал несколько его публикаций.

– И?

– Он не конспиролог. Нормальный такой ученый. Методология чистая. Я порылся дальше и обнаружил, что ажиотаж начинается не только в России. – Друг на телефоне перелистывал сделанные скриншоты. – У китайцев аналогичная программа под эгидой Академии наук. Американцы официально хоть и молчат, но в сеть утекли документы, в которых DARPA перебрало огромные бюджеты на изучение геологических аномалий, а также на вербовку специалистов по древним языкам. И в Индии тоже что-то организовали. В Тадж-Махале, например, теперь буквально не протолкнуться между правительственными археологами.

– Андрей.

– Да?

– Скажи мне еще раз, что это совпадение.

Андрей помолчал.

– Это совпадение, – произнес он осторожно. – Но, – тут же добавил прежде, чем Костя успел ответить, – менее вероятное, чем в прошлый раз. Признаю.

Про секты Костя узнал случайно от мамы, которая позвонила в воскресенье, как и всегда. Тогда она сразу же, без предисловий, спросила:

– Костя, а ты слышал, что появилась группа людей, называющих тебя пророком?

– Что?

– Таня Вершинина из соседнего подъезда показала мне статью. Я, конечно, не сразу поверила, но там эти фанатики считают себя «Последователями Хранителя». Обычно собираются по пятницам и читают твои книги вслух, а затем ищут в них скрытые послания...

Костя закрыл глаза.

– Мама, я не пророк.

– Я знаю, Костенька. Но Таня говорит, что этих последователей уже несколько тысяч. Причем в разных городах, и не только в Москве. Даже в Новосибирске появились...

– Это фантастика. Я придумал эту историю. Я...

– Придумал или приснилось? – перебила мама.

Пауза.

– Приснилось, – нехотя ответил он. – Но это не значит, что все так и есть.

– Конечно, сынок, – согласилась она тоном, в котором слышалось доверие, и вместе с тем – беспокойство.

Костя попрощался, положил телефон, а затем долго смотрел в пустой экран домашнего монитора.

«Последователи Хранителя». Несколько тысяч человек, которые нашли в его книгах какой-то настоящий и не придуманный тайный смысл. И они были готовы строить вокруг этого смысла свою жизнь.

Северов написал цикл из пяти книг, потому что ему нужны были деньги, а также мечтал об экранизации. Записывал сны, потому что они давали сюжет. Он никогда не хотел быть пророком.

Но что, если дело было не в том, чего он хотел?

В течение полугода – через общение с Андреем, через случайные ссылки в интернете и осторожное чтение того, что предпочитал не видеть, – Костя собрал картину, которая его не на шутку пугала.

«Последователи Хранителя» оказались только одним из движений, причем самым мирным и тихим.

В США существовала как минимум дюжина организаций разного масштаба и градуса безумия. Одни занимались «академическим» изучением рун и финансировали собственные экспедиции. Другие считали Хранителя реальным существом, который придет снова, когда Склеп будет найден. Третьи видели в цикле зашифрованные послания о конце света, связывая их с библейским учением.

В Японии молодой миллиардер даже вложил двести миллионов долларов в создание частной исследовательской компании – «Ключ Хранителя». Официальная цель: применить метод люминоскопии в ультрафиолетовом диапазоне ко всем без исключения объектам ЮНЕСКО. Неофициальная – все понимали.

Костя догадывался, что большинство движений просто пытались найти вход в Божий Склеп, где люди могли бы обрести могущество, хотя вслух об этом предпочитали не говорить.

Конечно, нашлись и противники. Например, правительство Перу ограничило доступ к Мачу-Пикчу для «независимых исследователей» после того, как несколько групп попытались провести несанкционированное бурение. А в Египте у подножия пирамид круглосуточно дежурила охрана; туризм оказался под запретом.

Естественно, многие разорались: компании банкротились, энтузиасты продавали свои дома ради «последней экспедиции». Однако находились и те, кто на этом ажиотаже разбогател. Кто-то прокладывал новые туристические маршруты, а кто-то продавал «карты рун» за тысячи долларов. Некоторые даже находили настоящие артефакты. Хоть они и не были связаны

с Хранителем, но оказались достаточно древними и ценными, чтобы их можно было задорого продать.

Костя давал интервью, когда отказаться было невозможно – телевизионные каналы, крупные издания, запросы через «Горизонт». И каждый раз повторял одно и то же:

– Это фантастика. Я все выдумал. Божьего Склепа не существует!

Никто не слушал.

– Конечно, он будет так говорить, – рассуждали на форумах. – Хочет правду скрыть или же боится, что кто-то найдет раньше него.

А Костя все пытался убедить:

– Я не знаю, почему руны совпадают. Возможно, мое подсознание обработало информацию из документальных фильмов и научных статей. Возможно, это просто статистическая случайность.

Никто не верил.

Или, если говорить точнее: те, кто не хотел верить, и без того не верил. Те, кто хотел, – не верил в его отрицание.

Таким образом, Константин Северов стал персонажем собственного мифа. И, как любой персонаж, не имел права выходить за рамки сюжета, который ему придумали другие.

Осенью, когда за окном снова моросил дождь и Москва пахла прелыми листьями и холодным асфальтом, Андрей пришел к Косте в гости. Принес пиво, а на закуску – орешки с гренками. Все это молча выставил на кухонный стол, открыл бутылку и спросил:

– Ты вообще как?

– Нормально.

– Это не ответ. Как ты?

Костя сел напротив, покрутил бутылку в руках.

– Боюсь, – сказал он, и это было первое искреннее слово за несколько месяцев. – Наверное, я уже испытываю настоящий страх, потому что ночью часто просыпаюсь и просто лежу.

Андрей молча ждал.

– К тому же, сны не прекращаются, – продолжил Костя. – Каждую неделю. Иногда дважды в неделю. Я гуляю по Склепу, нахожу руны, а затем их стараюсь запомнить. От прикосновения к ним даже появляются какие-то идеи. Все как раньше. Вот только раньше я думал, что это обычное вдохновение, что подсознание перерабатывает прочитанное и строит красивые образы, предоставляя мне материал для книги. А теперь...

– А теперь ты не веришь, что все это может быть игрой подсознания.

– Не верю...

Тишина. Где-то за окном проехал трамвай.

– И что ты думаешь по этому поводу? – спросил Андрей.

– Не знаю, – честно ответил Костя. – Но смотри: исследователи совсем недавно нашли руны в пирамиде Хеопса, а я их увидел во сне еще года три назад, причем на той же самой стене в том же самом коридоре. И в книге я описал, как луч ультрафиолета падает под определенным углом, после чего спустя минуты символы становятся видимыми.

– Ты мог...

– Андрей, не мог. – Костя посмотрел на него. – Я знал об УФ-анализе. Читал про него в контексте какого-нибудь папируса. Это же стандартный инструмент реставраторов. Но никто никогда не применял его к каменной кладке египетских пирамид. Ни в одной статье, ни в одном документальном фильме, которые я смотрел при написании цикла. Это ведь физически бессмысленно, потому что камень не удерживает пигменты так, как органика. А я написал про это потому, что во сне увидел, как луч света падает на стену с рунами. И мне показалось, что

применение УФ-анализа станет красивым ходом, который зайдет массам. Я был уверен, что он нереализуем.

Андрей открыл свое пиво. Долго смотрел на стол.

– Окей, – сказал он наконец. – Допустим. Допустим, что это не подсознание. Но тогда что?

– Тогда что-то посылает мне сны, – тихо ответил Костя. – И я не знаю, зачем.

Глава 4. Арка

Северов продолжал писать.

Новый роман, не связанный с Хранителем, двигался медленно. Не из-за того, что история оказалась плохой. На деле она была очень даже хорошей. Приключенческая космоопера с живыми персонажами. Получше его первых работ. Просто относительно цикла «Хранитель Порядка» она казалась... придуманной. Очевидно, придуманной и очень даже искусственной. Костя сидел над рукописью и чувствовал, как его читатель – тот условный читатель, которому он всегда писал, – листает страницы и не находит того, что искал.

Потому что в новом романе не было скрытой тайны, которая не придумана.

Блокнот с записями снов лежал в ящике стола, исписанный почти до конца. В нем появились десятки новых рун за последний месяц, а также был упомянут один сон, о котором Костя не сказал ни в одном интервью.

Полторы недели назад все началось привычно.

Склеп, зал, Золотая Книга на постаменте, чудеса света по периметру. Костя прошел к Стоунхенджу – миниатюре у западной стены. По мере приближения камни росли, достигая натурального размера, и вокруг них складывался пейзаж: пологие английские холмы, серое небо, трава, причем недвижимая – ни единый стебель не смел пошевелиться. Как на фотографии. Это место во всех подробностях описывалось во второй книге цикла, и уже было найдено около десяти наборов рун, однако Книга все продолжала указывать на новые.

И сейчас руны оказались в основаниях камней – в той части, которая была вкопана в землю. Костя присел и начал разгребать землю голыми руками. Со стороны это могло показаться диким и нелогичным, но во сне требуемая яма была выкопана уже через несколько минут, после чего Костя провел пальцем по поверхности. Теплый камень, знакомая вибрация, затем последовало мимолетное давление в голове. Что-то новое осело где-то глубоко в памяти: не слова и даже не образы. Просто знание, которого раньше у него не было.

Костя выдохнул и двинулся к мавзолею в Галикарнасе, однако через несколько шагов замер.

Сбоку от Стоунхенджа, где совсем недавно стояла сплошная темная стена, появился коридор. Узкий, уходящий вглубь и слегка вниз, слабо освещенный тем же золотистым светом, что исходил от Книги. Стены в коридоре были не мраморными, а базальтовыми, со слабым металлическим отблеском. Возникало даже чувство, что их выплавили на месте.

Но внимание в первую очередь привлекала арка, обрамлявшая вход в этот коридор. Невысокая, чуть выше роста человека, исписанная рунами: сверху донизу, плотно-плотно и без каких-либо промежутков, причем в строго определенном порядке. Костя узнал их мгновенно. Те же самые символы, что он находил в чудесах света и выписывал по памяти в блокнот. Все они были здесь – в одной арке, написанные единой строкой, словно кто-то долго собирал их по всему миру, чтобы однажды показать Косте все разом.

Этого прохода он не помнил. Перебрал по памяти каждый сон, записанный в блокноте: зал, Книга, миниатюры, постамент, сияние. Никакой арки в стене зала. Никаких боковых ответвлений. Только овальный зал – и больше ничего.

А теперь – арка. Причем она стояла так, будто здесь всегда и была.

Северов тут же к ней подошел, поднял руку и коснулся рун – давящая головная боль пришла мгновенно, но не слишком-то и резко, а так, как если бы что-то огромное постепенно пыталось втиснуться в слишком маленькое пространство. И от этого Костя аж зажмурился, сжав зубы. Но не успел он по-настоящему испугаться, как боль схлынула, оставив после себя лишь странное остаточное тепло где-то в глубине груди, как будто что-то вошло и осталось внутри.

Он открыл глаза и увидел, что теперь арка едва заметно светилась, напоминая тление углей остывшего костра. Руны на ней чуть пульсировали золотым, в одном медленном ритме, и Костя поймал себя на том, что и его собственное дыхание уже подстроилось под этот ритм.

«Их много, – понял он. – И нужны все».

Целая мысль в нем сложилась мгновенно. Эти руны не требуется читать или расшифровывать. К ним достаточно лишь прикоснуться, причем не во сне, а в реальности – к каждому набору в каждом чуде света. И дело даже не в информации, спрятанной в камнях. Во снах он уже касался рун и каждый раз получал что-то: образ, деталь, абстрактное понимание, ускользающее знание. Но арка показала, что в реальности все произойдет иначе. Не как обрывочное вдохновение для очередной книги, а как нечто цельное, что войдет в него и останется внутри навсегда. Что касается самой арки, то ее нужно было собрать из тех реальных рун, за которыми сейчас охотится весь мир.

Костя убрал руку, но ощущение осталось. Он постоял еще немного, прислушиваясь к самому себе, потом снова посмотрел на светящиеся руны и понял: требуются какие-то определенные наборы символов. А какие именно – предстояло еще узнать.

Затем посмотрел в глубину коридора. Темнота там была плотной и как будто живой, но ощущения угрозы от нее не исходило. Костя сделал шаг внутрь. Воздух сразу стал ощутимо гуще и даже холоднее. А еще пах иначе, причем не пылью и древностью, как в остальном Склепе, а чем-то другим, похожим на озон.

Северов прошел несколько метров. Коридор слегка изогнулся, и впереди появилось свечение – уже не золотое, как в остальном Склепе, а синевато-белое, как если бы где-то в темной комнате на полу лежал телефон экраном вверх, но только самого телефона видно не было.

Сделал еще шаг – и сон оборвался.

Костя проснулся резко, как от легкого толчка в плечо. Сел в кровати, выровнял дыхание. За окном стояла ноябрьская ночь. Будильник пока что молчал, в квартире никого, и тишина стояла такая, что он слышал, как тикают наручные часы Андрея на кухне – те самые, что друг забыл в прошлый визит и за прошедшую неделю так и не приехал за ними.

Костя долго ничего не записывал. Сидел, держал в себе то, что осталось от сна, чтобы не растерять при первом же движении пальцев.

Потом все-таки взял блокнот и записал по порядку: арку, руны, собранные вместе из всех чудес света, ту самую боль от прикосновения и оставшееся после нее странное тепло, не похожее ни на одно земное. Глубинное знание, не складывающееся в слова. Коридор за аркой, его базальтовые стены, тяжелый воздух. Синевато-белый свет в конце, у которого не было источника.

Потом долго смотрел на записи.

Несколько лет он касался рун только во сне, и каждый раз это давало ему что-то новое. Материал для книг. Детали, которые потом обнаруживались в реальности. Костя долго относился к этому как к работе подсознания, по-своему объяснимой: писатели часто пишут под утро странные вещи, потом ничего не помнят, а в готовом тексте уже зашит мотив, который никто не смог бы повторить. Теперь Северов думал иначе.

Каждое место – это не подсказка, а часть ключа, который нужно было собирать не на бумаге и не во сне. Его необходимо собирать исключительно физически и в реальности.

Костя закрыл блокнот и убрал его в ящик стола. Об этом никто не должен знать.

Декабрь принес новость, которую Костя прочитал случайно – в телефоне, в очереди к кассе в супермаркете, между двумя людьми с набитыми корзинами и кассиршей, которая никак не могла пробить пачку творога: то ли штрихкод стерся, то ли касса не хотела работать в ее последнюю смену перед обедом.

Геофизическая аномалия в Антарктиде.

Небольшая заметка в научном разделе одного из крупных порталов. Международная команда геологов зафиксировала необычное гравитационное возмущение в районе подледного плато – в месте, которое раньше считалось геологически неинтересным. Аномалия слабая, но устойчивая, и не объяснялась никакими известными геологическими структурами.

Северов стоял в очереди и смотрел в телефон еще минуту после того, как заметка кончилась. Потом перечитал ее еще раз – не из-за того, что не понял с первого раза, а потому что хотел убедиться, что все именно так.

В пятой книге цикла – «Божий Склеп» – его герои нашли вход в Склеп именно так. Геофизическая аномалия в полярных широтах. Необъяснимое гравитационное возмущение. Костя написал это ночью, после сна, в котором от прикосновения к очередной руне увидел белую бескрайнюю равнину и что-то пульсирующее глубоко под ней. Звучало поэтично. Беспощадно точно в смысле и беспомощно расплывчато в цифрах. Иными словами, без точных координат.

Кассирша наконец справилась с творогом, и очередь двинулась дальше. Потом Костю спросили, есть ли карта лояльности. Он на автомате ответил, расплатился, взял пакет, не запоминая, что в нем лежит, и вышел на улицу в холод, где снег задувало в лицо декабрьским ветром.

Костя стоял у входа в магазин с пакетом в руке и думал об одном: когда писал сцену с антарктической аномалией, она казалась ему изящным сюжетным решением. Вход в Склеп в полярных широтах. Что может быть эффектнее? А еще правдоподобно, ведь Антарктида до сих пор плохо изучена и находится достаточно далеко, чтобы читатель не проверял. Но если бы и захотел – не доехал. Никто не должен был доехать.

Но международные команды исследователей уже смотрели в ту сторону, и они обязательно найдут вход. Рано или поздно.

Вот только Северов был уверен: дальше входа их не ждет ничего хорошего. В его книгах цикл заканчивался на моменте достижения Божьего Склепа. Открытый финал, классный клиффхэнгер.

Продолжения не существовало, потому что Костя не знал, как добраться до самой Книги. В снах она так и осталась недостижимой. Четыре года. Каждый раз одно и то же: он идет к ней, а расстояние не уменьшается. Сколько бы ни пытался. Даже однажды потратил абсолютно все отведенное время на дорогу. Безуспешно. Тьма наступала быстрее. Именно та, что стояла за спиной в самом первом сне, за которой мир не существовал.

Костя хорошо запомнил, как тогда под ногами что-то хрустело. Он тогда еще не посмотрел вниз, так как не захотел знать. А сейчас уже догадался: это были кости тех, кто вошел в Склеп, и не смог вернуться, причем не потому, что гибель пришла сразу, нет. Просто выход сам по себе отсутствовал в том месте, где существовала лишь тьма, отрезающая путь назад, а единственное спасение было возможно только через новый коридор. Тот, что Костя увидел совсем недавно. С аркой, исписанной рунами со всех чудес света, за которой где-то вдалеке что-то испускало синевато-белый свет.

Но никто кроме писателя не знал про этот коридор, ведь в книгах про него нет ни слова. И если люди войдут в Склеп, то они уже не выйдут, а ажиотаж продолжит отправлять все новые и новые экспедиции на верную смерть.

За спиной кто-то придержал дверь магазина, ожидая, что Костя войдет или выйдет, но тот не двигался. Впервые за несколько лет он подумал не о снах или собственной безопасности. Он уже беспокоился о том, что его творчество может завести людей в ловушку.

Ночью Северов снова оказался в Склепе.

Все было привычно: золотая Книга в центре зала, чудеса света по периметру, черный мрамор, пульсирующее сияние. Костя уже не паниковал. Шел, смотрел по сторонам, привычно констатировал сюрреалистические детали.

Сны участились. Только за прошедшую неделю он входил в новый коридор трижды. Всегда перед этим останавливался у арки, трогал светящиеся руны, но не получал знакомых головных болей и очередных абстрактных знаний. Затем продвигался внутрь, но никогда глубоко не заходил. Не получалось достигнуть синевато-белого источника. Всегда пугала неизвестность, или же что-то вовсе не пускало. Однако сейчас, собрав волю в кулак, решил дойти до конца. Пройдя половину пути, Костя понял, что не может дышать, поэтому снова развернулся и двинулся обратно в зал.

«Почему я не могу до него дойти?» – сокрушался он, не обращая внимания на перемены. Только когда вышел из коридора, заметил, что с Книгой на постаменте что-то не так.

Свет уходил, причем так, как будто его вытягивали невидимым пылесосом прямо у Кости на глазах, после чего зал потемнел. Помимо этого, в другой части зала, где должна была быть стена, виднелось бескрайнее темно-фиолетовое пространство с далекими звездами.

Северов сделал несколько шагов вперед, и темнота расступилась, изменив Склеп полностью.

Воздух стал тем самым, что был в коридоре с рунической аркой, – гуще, холоднее, с тем же странным запахом, напоминающим озон. Под ногами образовались растрескавшиеся каменные плиты – другие, не мраморные, но тоже темные, и Костя заметил, что они уложены не как пол, а как старая мостовая: с зазорами, со ступенями, не идеально ровно, как если бы по ним ходили неоднократно. Вокруг расположились руины какого-то колоссального сооружения. Шпили уходили вверх и терялись в фиолетовой густоте, стены стояли без крыш, арки висели в пустоте, и было непонятно, поддерживают они что-то или сами по себе тут стоят последние тысячелетия по привычке.

И над всем этим стояло небо. Вот только не черное ночное, а темно-фиолетовое и безоблачное. Солнце совсем недавно зашло за горизонт, но луны и знакомых созвездий видно не было. Где-то на краю горизонта намечалось то ли далекое зарево, то ли отсвет второго источника, не видимого отсюда.

«Я хоть на Земле?»

Костя не шевелился. Стоял у границы зала, у той точки, где раньше была стена, и пытался уложить в голове то, что видел. Не получалось.

В центре пространства, над плитами – в воздухе, без опоры и без какого-либо постамента – висела Книга.

Сейчас она была размером с человека, и ее страницы не шелестели: просто светились ровным золотым светом, который шел изнутри, как будто что-то горело между страницами, не сжигая их. Вокруг Книги воздух слегка мерцал, как марево над горячим асфальтом, но только холодное.

Костя сделал шаг вперед. Книга осталась того же размера, а расстояние сократилось.

«Она впервые не выросла! За четыре года – впервые».

Он замер. Потом решился сделать еще один шаг. Под ногами хрустнул камень – единственный звук в абсолютной тишине. Здесь почему-то не было ни ветра, ни эха. Сделал еще несколько шагов; звук был приглушенным, как при ходьбе по плотному снегу.

Костя шел медленно и после каждого шага все ждал: вот, сейчас Книга должна вырасти, оторваться и стать недосыгаемой, как происходило всегда. Но она оставалась неизменной. Двадцать метров между ними, потом десять. Книга продолжала смотреть своими раскрытыми страницами с руническими символами. Когда осталось метров пять, в груди появилось тепло. То же, что осталось после арки.

Он протянул руку, – и сон тут же оборвался.

Костя проснулся резко, как от удара. Сел в кровати, выдохнул. Потом еще раз, медленнее. Сердце бешено колотилось.

За окном – зима, раннее утро. Телефон на тумбочке показывал 05:14. Будильник не звонил. До звонка оставался еще час с небольшим.

Писатель сидел и медленно дышал, не думая записывать сразу. Затем словил дежавю, ведь точно так же было после первого сна с аркой, но сейчас приснилось нечто совершенно иное. Посидел еще немного, во всех деталях вспомнил фиолетовое небо с далекими звездами, висящую в воздухе Книгу, а также тепло в груди на последних метрах. И только после этого взял блокнот.

Записал все: то, что осталось от Склепа; Книга, которая не увеличивается в размерах; огромные руины снаружи; небо без знакомых созвездий; два источника света, один из которых виден, а второй угадывается за горизонтом.

Потом долго смотрел на записи.

Он не писал ничего похожего. Ни в одной из пяти книг. Цикл обрывался на Склепе с Книгой на постаменте. Этого места – открытого, под чужим небом, с руинами до горизонта – в его текстах не существовало.

Сон показал ему что-то, чего он еще не записывал.

Костя закрыл блокнот и положил его на тумбочку. Лег обратно, уставился в потолок. Тень от ветки медленно двигалась по белым обоям.

Сначала он записывал сны и превращал их в сюжет. Дальше популярность потихоньку росла. Сейчас приходилось убеждать читателей, журналистов и различных ученых, что все это просто выдумка, однако про Виктора и Анну писать перестал.

Вот только сны продолжали показывать ему новые места и предоставлять туманные знания о каком-то Перекрестке Миров, которого никто никогда не видел. Костя понятия не имел, что это такое, но догадывался, что сны не заканчиваются там, где заканчиваются книги. Они будут продолжаться и вести куда-то дальше.

И вопрос теперь был не «откуда берутся сны». Вопрос был другой.

«Куда они ведут? Неужели я там смогу добраться до Книги?»

В то же утро, когда он записал первые упоминания Перекрестка Миров и закрыл блокнот, пришло письмо от незнакомца. Явно не от фаната с просьбой об автографе.

Имя отправителя было английским: Чарльз Маршалл. Организация не указана. Тема: «Деловое предложение».

Костя крайне редко открывал подобные письма, но почему-то именно сейчас сделал это.

«Уважаемый Константин Северов,

я руководитель международного исследовательского проекта. Мы занимаемся изучением геофизических аномалий в местах расположения объектов, упомянутых в вашем цикле «Хранитель Порядка». Наши результаты значительно превосходят все, что публиковалось в открытом доступе, и я хотел бы встретиться с вами лично. Но не для интервью и не для академической дискуссии. Есть конкретное предложение.

Уверен, вы его примете».

Костя прочитал письмо дважды. Потом выключил компьютер, открыл блокнот на последней записи: «Руническая арка ведет в Перекресток Миров».

Потом снова посмотрел на выключенный компьютер.

«Уверен, вы его примете».

Глава 5. Патриаршие

Константин Северов ответил на письмо практически без раздумий.

Геофизическая аномалия в полярных широтах не давала ему покоя, и он не знал, что с этим делать, но понимал, что сидеть и молчать не сможет. А Маршалл что-то нашел. Что именно – предстояло еще выяснить. Поэтому Костя кратко написал: «Готов встретиться. Когда вам удобно?»

Отправил, закрыл ноутбук, открыл блокнот и еще раз перечитал последние записи. Он почему-то был уверен, что недавние сны имели прямое отношение к тому, как добраться до Книги.

Чарльз Маршалл оказался моложе, чем Костя ожидал.

Лет двадцать восемь, максимум тридцать. Среднего роста, светловолосый, с той особенной подтянутостью, выдающей человека, занимающегося спортом из искренней к нему любви. Маршалл ждал у пруда, стоял на расчищенной брусчатке, руки держал в карманах темного пальто, и смотрел, как Костя подходит. За спиной белел затянутый первым льдом пруд, чернели голые деревья и чугунная ограда.

Одет был просто, без единой детали, за которую цеплялся бы взгляд: джинсы, часы без украшений, темно-синий свитер под распахнутым пальто. Холода Чарльз будто не замечал.

– Константин, – сказал он по-русски с легким акцентом. – Наконец-то.

– Можно просто Костя, – поправил писатель автоматически.

Иностранец руку пожал довольно сильно – явно привык, чтобы его рукопожатие запомнили.

– Костя, – кивнул он с улыбкой. – А я Чарльз. Просто Чарльз.

Маршалл кивнул на дверь кофейни – не пафосной, далеко не туристической, небольшой и тихой – и пропустил Северова вперед. Внутри было тепло и тесно, пахло корицей и горячим молоком.

За столом у окна уже сидели двое с полупустыми стаканчиками кофе.

– Позвольте представить, – сказал Чарльз. – Игорь Сергеевич Крылов. Историк древних цивилизаций и геoaрхеолог. Вы, вероятно, знаете его по статьям.

Костя знал. Тот самый доктор наук, который первым нашел руны в пирамиде Хеопса и с тех пор не уходил из публичного пространства. Шестидесятилетний мужчина со взглядом человека, который привык видеть то, что другие не замечают. Он протянул руку молча – без восторга и без холодности.

– Эмма Лоунс, – продолжил Чарльз. – Теоретическая физика, специализация – резонансные частоты и когерентный анализ геофизических сигналов.

Молодая женщина лет двадцати пяти, темноволосая, с немного отстраненным взглядом – ее голова в данный момент была занята решением задачи. Перед ней же стоял открытый ноутбук, на котором сейчас что-то вычислялось. Но она быстро переключилась и посмотрела на Костю с живым интересом.

– Я читала ваши книги трижды, – сказала Эмма по-русски без намека на акцент. – Мне очень приятно с вами познакомиться.

– Мне тоже.

Маршалл заказал двойной эспрессо, не глядя в меню. Очевидно, он уже здесь бывал. Северов взял чай и поймал себя на том, что изучает собеседника внимательнее, чем обычно изучал людей.

Чарльз не производил впечатления фанатика. Это было первое, что Костя отметил, и почему-то именно это насторожило. Все остальные, кто писал ему о рунах и различных анома-

лиях, связанных с Хранителем, – все они несли в себе этот легкий огонь убежденности, граничащую с одержимостью. Маршалл – нет. Он был совершенно спокоен, точен, слегка ироничен и смотрел на Костю не с восхищением, а с неподдельным интересом. С таким обычно склоняются над сложной задачей, которую наконец удалось положить перед собой на стол.

– Вы сказали, что ваши результаты значительно превосходят то, что публиковалось открыто, – начал Костя.

– Превосходят, – подтвердил Чарльз. – В открытый доступ попало примерно двадцать процентов. Остальное, по различным причинам, – нет.

– Каким причинам?

– Правительственные соглашения. Коммерческие соглашения. Страх. – Он произнес последнее слово без паузы, как продолжение списка. – Некоторые команды нашли то, что их испугало, и предпочли об этом молчать.

– Что именно испугало?

Чарльз взял чашку, сделал маленький глоток и поставил ее обратно.

– Системность. То, что найдено ранее – не совпадения. Причем не «похожие признаки» и не «культурный параллелизм». Это одна система, у которой есть единый источник, разбросавший свои отпечатки по всей планете в разные эпохи. То, что вы описали в своих книгах, – не беллетристика. Я бы даже назвал... точной документацией. Настолько точной, что многие ученые, с которыми я работаю, перестали считать это совпадением еще шесть месяцев назад.

Северов молчал.

– Я читал ваши интервью, – продолжил Чарльз. – Вы говорите, что все это придумали под впечатлением снов, а также постоянно ссылались на подсознание. – Он чуть улыбнулся. – Но вы сами в это не верите.

– Откуда вы знаете, во что я верю?

– Потому что, если бы верили, то не ответили бы на мое письмо. Вы получаете сотни писем в месяц от людей, которые хотят поговорить о Хранителе. Вы не отвечаете ни на одно из них. На мое ответили, и очень быстро. Правда, это было уже десятое письмо.

Северов отвел взгляд и посмотрел в окно.

– Чего вы хотите? – спросил он, не отрывая взгляда от Патриаршего пруда.

– Найти источник и попасть туда. – Чарльз произнес это спокойно, как будто говорил о рабочей командировке. – Но сначала локализовать точку. Точную. Вот это пока не готово.

– Почему?

Лоунс, не отрываясь от ноутбука, ответила за него:

– Потому что все остальные команды идут на самый сильный сигнал, но источник наверняка в другом месте. Он там, где частоты складываются в резонанс. И мне нужно время, чтобы вычислить точку максимальной когерентности. Вот только пока не знаю, как долго.

– Ясно, – кратко ответил Костя.

Крылов впервые подал голос – негромко, с тем же спокойствием, что и Маршалл:

– В вашей самой первой книге описан способ считывания рун, при котором важен угол падения света и молекулярная структура кристаллических включений в камне. Именно так мы и работали в Хеопсе, да и на Пасхе тоже. Без этого метода мы бы вообще ничего не нашли. – Пауза. – Вы это придумали или увидели?

– Увидел, – ответил Костя не сразу. – Во сне.

Игорь Сергеевич кивнул, причем без всякого удивления – похоже, ровно этого и ждал. Откинулся на спинку, неторопливо сложил руки на груди и перевел взгляд на Чарльза. Эмма за ноутбуком тоже на секунду подняла глаза от экрана. Костя разом поймал на себе три внимательных взгляда, и ему отчетливо захотелось отвести глаза. Было в этих взглядах что-то врачебное – будто он только что сам, своими словами, подтвердил диагноз, который врач до сих пор лишь подозревал.

Дальше разговор затянулся еще на три часа.

Говорил Маршалл спокойно и буднично, без всякого пафоса. Костя приготовился было к привычным красивым словам про «миссию», «судьбу человечества» и прочие великие тайны, которыми обычно обкладывают подобные разговоры, но так ничего этого и не услышал. Чарльз просто излагал факты и выстраивал из них логику, а где в его картине зияли дыры, там он их честно признавал, что само по себе было редкостью. Большинство людей, одержимых идеей, пробелов не признавали никогда: они их аккуратно закрашивали энтузиазмом, и со стороны это выглядело как полная картина, пока не присмотришься.

Маршалл же не закрашивал. Он спокойно показывал, где у него еще нет данных, и тут же добавлял, кто над этим сейчас работает, в какой команде и в какие сроки. И именно это убеждало больше всего: фанатик так не говорит. Фанатик уверен, что у него уже все есть. А Чарльз был убежден не в том, что у них что-то есть, а в том, что оно вообще существует и до него можно дойти. Это разные вещи.

– Мы построили полную карту аномалий, – говорил он, разложив на столе несколько листов с координатами и цифрами. Не для эффекта, а потому что так ему было удобнее объяснять. – Двадцать семь точек по всему миру. Каждая соответствует локации из ваших книг. Каждая дает одну и ту же электромагнитную сигнатуру в сверхнизких частотах. И это не геология, не природная аномалия и не остаточный фон от ядерных испытаний шестидесятых годов – мы проверяли. Это сигнал.

Костя посмотрел на листы. Координаты были набраны мелким моноширинным шрифтом, как в техническом отчете: широта, долгота, частота, амплитуда, погрешность. Узнал он почти все – пирамиды, Стоунхендж, Ангкор, Тадж-Махал, Мачу-Пикчу, Теотиуакан и прочие чудеса света, которые посещали его герои. Несколько точек не сразу опознал, но потом сообразил: это места, которые лишь вскользь упоминались в книгах, буквально одним коротким предложением без каких-либо подробностей.

«Они нашли все».

– Откуда сигнал? – спросил Костя.

– Из одного источника. Мы его локализовали приблизительно. Четыре независимые команды, разные методы – результат один. – Пауза. – Антарктида. Подледное плато. Но точные координаты Эмма еще считает.

Северов почувствовал, как холодеет спина.

В «Божьем Склепе» его герои нашли вход именно так. Геофизическая аномалия в полярных широтах. Подледная структура.

– Мне все еще не хватает рун, – пояснила девушка.

– Рун? – не сразу понял Костя. – Тех, что на чудесах света?

– Да, именно их расположение играет ключевую роль.

– Почему? В них есть какой-то смысл?

– Не совсем. Большинство экспедиций ищет смысл в содержании. А я искала структуру всей системы.

Эмма развернула ноутбук к нему. На экране был массив символов, упорядоченных в таблицу.

– Руны в ваших книгах – это не случайный набор знаков. Это целая система с внутренней грамматикой, где каждый символ – не отдельный знак, а что-то наподобие ноты в аккорде. В совокупности они образуют структуру, которая повторяется в разных местах на любых континентах. Это не алфавит и не язык в привычном смысле. Это что-то ближе к... частотному коду.

– Частотному? – спросил Костя.

– Каждый набор рун – обертон одного источника. Сами руны не несут информативного смысла. Многие лишь зря теряют силы на их расшифровку. Руны не описывают что-то. Они указывают на что-то. Как пальцы, показывающие в одну точку с разных сторон горизонта.

Северов смотрел на экран.

– Я знаю куда, – сказал он тихо.

Молчание.

– Костя, – произнес Чарльз, – вы единственный человек на Земле, который знает, что там. Не потому, что где-то прочитали про это, и не потому, что случайно угадали. Вы же это видели своими глазами. – Он четко выделил последнее слово. – Я хочу, чтобы вы работали с нами. Пока Эмма считает координаты, мы работаем здесь, в России. Когда придет время, отправимся туда. И мне будет спокойнее, если рядом окажется тот, кто знает о возможных опасностях внутри Склепа.

– Я был там только во сне.

– Да, – согласился Чарльз просто. – Во сне. И это единственный способ, с помощью которого туда вообще можно было попасть. Потому что физически до Склепа не добирался еще никто.

– Пока.

– Пока, – подтвердил он с легкой улыбкой.

Северов замолчал. Он очень хотел тут же согласиться, но понимал, что важные решения никогда нельзя принимать на эмоциях. А сейчас от навалившихся сведений беспокойство переваливало через любые разумные рамки.

– Мне нужно время, чтобы обдумать ваше предложение, – сказал он спустя полминуты.

Маршалл кивнул, явно не намереваясь как-нибудь уговаривать. Затем оставил визитку с единственной строчкой: имя и номер. Ничего другого. Ни должности, ни организации.

– Одно могу обещать, – сказал Чарльз, вставая. – Вы не пожалеете. Каким бы ни был ответ – отказ или согласие – вы не пожалеете, что встретились с нами.

Костя посмотрел на него.

– Почему вы так уверены?

– Потому что вы уже несколько лет живете с вопросом, на который у вас нет ответа. – Чарльз надел пальто. – И вы устали не знать. Это прекрасно видно.

Он ушел, Крылов и Лоунс – следом, а Северов остался сидеть с остывшим чаем.

На столе лежал лист с приблизительными координатами – не точка, а целая область в огромной Антарктиде. Подледное плато.

Костя смотрел на лист и думал не о том, реально ли это. В реальности он давно перестал сомневаться. Сейчас думал о другом: если команда Маршалла найдет Склеп раньше, чем Костя соберет все руны физически, то... Они все равно войдут. Умные профессиональные люди. Крылов с его молекулярным анализом. Лоунс с ее когерентными частотами.

Писатель убрал лист в карман и вышел на улицу, где тут же ударил декабрьский холод. Он некоторое постоял у входа, не двигаясь.

«Если я не пойду с ними – они не выйдут».

Так-то ответ родился еще вчера, когда только пришло письмо, поэтому думать было больше не о чем.

Костя достал телефон и написал Чарльзу: «Пришлите полный список исследованных точек. Мне нужно подготовиться».

Глава 6. Гонка

Это случилось не сразу.

Существуют глобальные события, после которых мир раскалывается на «до» и «после». Мировые войны, сопровождающиеся бурным технологическим развитием; пандемии, разрушающие все экономические устои; техногенные аварии, заражающие территорию на долгие десятилетия; а также природные катастрофы, способные разрушить небольшие государства. Каждое событие выделяется чем-то особенным. Последние же годы оставили трещину, позже названную «гонкой, которую никто не должен был выигрывать».

Мир искал Склеп.

Не метафорически, а прямо по-настоящему: с буровыми установками, спутниковым сканированием, геологическими партиями там, куда раньше отправляли только зонды. Деньги текли отовсюду – государственные программы, частные фонды, консорциумы без сайтов и без имен, только офшорная регистрация и безличный почтовый ящик где-нибудь на Каймановых. Японский миллиардер – тот, о котором Андрей рассказывал еще полгода назад, – расширил свой «Ключ Хранителя» до международной структуры с офисами в семи городах. Американское DARPA публично открестилось от поисков, после чего, по данным нескольких журналистских расследований, утроил финансирование тех же самых работ через посреднические структуры.

В Антарктиде уже работали четыре независимые экспедиции. Ни одна из них пока ничего не нашла.

Что само по себе было странно, если аномалия существовала, если сигнал был реальным, если все указывало на Антарктиду.

Костя думал об этом иногда. Почему ничего не находили? Что мешало? Лед? Глубина? Или в расчетах все же ошиблись? А может, причина в чем-то другом? Все шли туда, где сигнал был громче всего. Логично, очевидно. Но, судя по результатам, неверно. Команда Маршалла оказалась права.

И Северов готовился к будущей поездке по-своему. Сны ведь у него уже изменились.

Раньше: зал, Книга, миниатюры чудес света, руны. Все знакомое. Все поддающееся описанию. Материал, который превращался в прозу.

Теперь: другое.

Если пройти через руническую арку, то можно оказаться не в Склепе, а снаружи – в пространстве, которое было слишком странным. Небо там неправильное, темно-фиолетовое. Явно не земное. Два источника света, расположенных под углом друг к другу, давали тени, которые ложились в обе стороны одновременно. Горизонт был слишком близким или слишком далеким – Костя не мог определить расстояние. Под ногами – что-то твердое, похожее на почву, но более плотное. Поверхность была слишком темной, почти черной, и сквозь нее проступали тонкие золотые прожилки – не вкрапления и не минеральные жилы, а именно прожилки, как кровеносная сеть, медленно пульсирующая под кожей. Если присесть и провести по ним пальцами, едва уловимое тепло поднималось вверх по ладони и медленно расходилось до самого локтя. В первый раз Костя приседал. Во второй и третий тоже. К пятому уже не приседал. Просто шел дальше.

Парящая Книга больше не появлялась, вместо нее – руины какого-то огромного, давно покинутого города, которые тянулись до горизонта в обе стороны.

Стены стояли. Арки держались. Где-то вдалеке возвышалась башня, у которой не было верхушки, как будто ее срезали одним аккуратным движением и забрали верхнюю половину куда-то еще. Костя долго смотрел на этот срез и не мог решить, что страшнее: то, что башню так срезало, или то, что срез был аккуратным.

Кладка была чужой. Каменные блоки подогнаны без раствора, шов в шов; на гранях угадывалась резьба – не орнамент, а что-то ближе к рунам Склепа, только мельче и плотнее. Если задержать взгляд на одной точке слишком долго, линии начинали плыть, как отражение в воде, по которой прошла рябь. Костя моргал, и линии возвращались на место. Отводил взгляд – и в углу зрения снова видел, как они шевелятся.

Архитектура города выглядела странно. Кое-где прослеживались древнегреческий стиль, где-то – египетский, а через улицу красовались уже средневековые здания. Причем каждый раз по-разному.

Костя ходил по этому городу и не понимал, что видит. Иногда выходил на площадь, в центре которой стоял постамент без статуи. Иногда сворачивал в переулок и упирался в стену, на которой не было двери, хотя в начале переулочка дверь была отчетливо видна. Иногда казалось, что он идет не один, но если обернуться – никого не оказывалось, только тот же ровный шов между плитами под ногами.

Поэтому записывал. Все, что видел. Просыпался и тянулся к блокноту прежде, чем успевал понять, что снова дома. Однако увиденное не использовал ни в одной из следующих книг, потому что все это не было материалом для романа. Оно выглядело слишком нереально. Герои нового цикла не могли стоять у башни без верха и найти этому логичное объяснение. Не могли ходить по городу, в котором перемешалась архитектура разных исторических эпох. Костя не привык писать фэнтези.

Это уже не тот Склеп из цикла «Хранитель Порядка», в который еще можно было с натяжкой поверить. Здесь жил совершенно иной мир, со своими нездешними правилами, и Костя называл его «тем миром». Без претензий на поэтику. Просто: тот мир. Не этот.

Однако в тот мир он предпочитал не заходить лишний раз. К тому же Костя все пытался разобраться в символах таинственной арки. Какие-то руны горели ярче, какие-то вовсе не светились. Спустя некоторое время обнаружил зависимость от чудес света с их набором светящихся рун. Именно таким образом он и готовился к экспедиции.

С Андреем встречались раз в неделю. Иногда чаще.

Он не спрашивал про сны напрямую. Понимал, что писатель об этом не очень любит говорить. Но приходил с пивом, с едой, иногда просто сидел рядом и читал, пока Костя писал. Это была его форма поддержки – молчаливое присутствие, которое говорило: я здесь, ничего объяснять не нужно.

– Ты едешь? – спросил он однажды вечером, не поднимая взгляда от книги.

Костя понял, о чем он. Андрей не уточнял, не было нужды.

– Еще не знаю.

– Но все равно с ним встречаешься.

– Иногда.

Это было правдой. После первой же встречи Северов принял решение присоединиться к экспедиции, но открыто согласие не давал. В глубине души он все же надеялся, что вход в Божий Склеп не найдут. Именно поэтому до сих пор молчал о главном: руны на арке из сна – те самые, с чудес света – нужно собрать физически.

Он знал это с той ночи, когда впервые прикоснулся к арке. И буквально на днях закончил расшифровку длинного набора символов. Ну, насколько смог. Оказалось, имеется строгая последовательность посещения чудес света. К счастью, достаточно всего восьми точек, и многие руны оказались взаимозаменяемы.

Несмотря на отсутствие согласия, за прошедший год Костя виделся с Чарльзом практически ежемесячно – в той же кофейне на Патриарших, один раз на конференции по геофизике, куда Маршалл пригласил Костю не как участника, а как наблюдателя. Он не давил и не напо-

минал об экспедиции при каждой встрече. Они просто разговаривали: о науке, о книгах, о том, как устроена гонка, которую вел весь остальной мир.

Иногда Северов думал, что Маршалл умышленно не торопит. Что понимает: чем дольше ждать, тем сильнее сны, тем сложнее отказаться.

А иногда думал, что нет. Чарльз просто такой человек, умеющий ждать не из стратегии, а из уважения.

– Он тебе нравится, – сказал Андрей.

– Разве заметно?

– Конечно. Он тебя не раздражает, а этого уже вполне достаточно. Ты ведь последние два года раздражаешься на всех, кто приближается к теме Хранителя.

Костя немного помолчал.

– Чарльз не фанатик, – сказал он наконец. – Все остальные, кто писал мне, с кем я встречался, чтобы дать интервью, все они хотели, чтобы написанное в книгах оказалось правдой. Им нужно, чтобы Склеп существовал, а я был каким-то пророком. Маршалл – нет. Ему просто нужен ответ. И это его отличает от остальных.

– Но ведь ты тоже хочешь знать ответ.

– Я хочу, чтобы это прекратилось, – тихо ответил Костя. – Еще недавно сны приходили каждую неделю, а теперь – каждые два-три дня. И это продолжается уже пять лет. Я даже не помню, как спать без этих снов. Я ложусь и знаю, что снова окажусь там – в Склепе или среди руин. И знаешь что? Мне уже страшно. Как будто там что-то есть. Хуже всего, что изредка я появляюсь не в безопасном Склепе, а сразу среди этих мертвых руин. И с каждым разом нахожу новые детали. Как будто кто-то методично показывает мне то, что я должен увидеть.

– Кто-то? – повторил Андрей. – Раньше ты говорил про что-то.

– Не знаю, кто или что. Но оно явно разумно.

В феврале позвонил Чарльз, что само по себе было для него нетипично. За год переписки Костя успел изучить его привычки и знал твердо: Маршалл звонит только тогда, когда медлить больше нельзя.

За окном валил мокрый снег. Костя стоял на кухне с чайником в руке – собирался заварить и забыл нажать кнопку. На экране телефона горело: «Charles M». Он постоял еще секунду, потом снял трубку.

– Костя, нам нужно поговорить. Лично.

– Что случилось?

Короткая пауза. В трубке слышались посторонние шумы – улица, проезжающая машина. Чарльз был не дома.

– Японцы неделю назад сменили координаты. Сделали тихо, без публичных заявлений. Наш человек внутри «Ключа Хранителя» подтвердил, что они вышли на точку, близкую к нашей. Не ту же самую – смещение примерно восемнадцать километров. Но направление верное. – Еще пауза. – Еще есть вторая новость – Эмма закончила расчеты.

Костя поставил чайник на стол, так и не нажав на кнопку.

– Когда?

– Завтра. Садовое, шестнадцать ноль-ноль. Адрес скину.

Конференц-зал в деловом центре на Садовом был небольшим.

Крылов уже сидел у окна с кофе и планшетом, листал что-то, не поднимая голову. На столе перед ним лежал блокнот, открытый на странице с какими-то выкладками, которые Костя не смог прочесть с порога. Лоунс стояла у проектора и настраивала подключение с недовольным выражением лица. Изображение от ноутбука никак не хотело транслироваться на проекционный экран.

- Все работает? – спросил Чарльз, входя следом за Костей.
- Теперь да, – сказала Эмма, не оборачиваясь.

Крылов поднял взгляд на Костю, кивнул коротко, как коллеге. За год они виделись несколько раз на конференциях и разговаривали обо всем, но только не о снах. Например, о молекулярном анализе кристаллической структуры найденных рун в Ангкор-Вате, показавшем аномалию, которую трудно объяснить природным происхождением. Такие разговоры всегда заканчивались одним: слишком много вопросов, слишком мало времени.

- Сегодня времени, судя по всему, было еще меньше.
- Начнем с главного, – сказал Чарльз, садясь. – Эмма.

Она развернула ноутбук экраном к остальным, показывая карту Антарктиды: белое пятно с тонкой сеткой координат и несколькими точками, разбросанными вдоль побережья и в глубине материка. Одна – красная. Остальные – серые.

– Вот источник, – она ткнула в красную точку. – Смещение от очевидной аномалии – девяносто два километра к юго-востоку.

Костя посмотрел на экран – и почувствовал, как у него остановилось дыхание.

Это была она. Та самая. Он знал это не из расчетов, а из одного образа, который пришел с прикосновением к руне еще в первые годы. Ровная белая равнина без единого ориентира. Тишина с тяжелым давлением сверху, и где-то глубоко под ногами – ровная, ритмическая пульсация.

Три года назад он использовал этот образ как финальный поворот пятой книги. Если быть точнее, то не саму равнину увидел, а получил знание о ней от прикосновения к рунам.

И вот теперь она лежала перед ним на чужом ноутбуке. Маленькая красная точка.

«Они ее нашли. По расчетам, по каким-то частотам».

- Что еще? – спросил Костя. – Вы сказали, что японцы близко.
- Восемнадцать километров смещение, – ответил Чарльз. – Это много, но не бесконечно. У них ресурсы и техника. Если они откорректируют координаты еще раз, а они откорректируют, рано или поздно, то разрыв сократится.

Маршалл переключил слайд.

– Но это не все. Игорь Сергеевич.

Крылов открыл планшет.

– Три недели назад мы получили результаты последнего зондирования. Аномалия не статична.

Он развернул планшет экраном к Косте. На графике шла волнообразная линия с отчетливыми пиками.

– Она пульсирует. Период пульсации – триста семьдесят два дня. Следующий пик – двадцать седьмое мая. Именно в точке максимума интенсивность сигнала вырастает в четыре раза. Эмма считает, что именно тогда барьер ослабевает достаточно, чтобы...

- Войти, – тихо сказал Костя.
- Войти, – подтвердил Игорь Сергеевич без интонации.
- А если пропустим май?
- Ждать следующего цикла. Еще год. – Чарльз помолчал. – Которого у нас, вероятно, нет. Если учесть японцев.

Тишина.

Лоунс закрыла ноутбук, Крылов убрал планшет, а Маршалл просто смотрел на писателя без какого-либо давления. Было ведь очевидно, для чего позвали Северова.

- У меня есть условие, – сказал Костя.
- Слушаю.

– Я не публичная фигура этой экспедиции. Никаких интервью, никаких комментариев для прессы, никакого «писатель-пророк отправляется проверить свои книги». Научная экспедиция. Я еду как частное лицо.

– Принято. Мы и не собирались открыто об этом заявлять.

– А еще перед этим мне нужно посетить восемь различных чудес света. С вашей помощью.

Маршалл не улыбнулся. Прежде чем спросить, он внимательно всматривался в глаза собеседника секунд пять, пытаясь что-то разглядеть.

– Зачем?

Костя ожидал этого вопроса. Вот только не ожидал, что это окажется так трудно – ответить или не ответить.

– Это часть того, что я видел во снах, – сказал он наконец. – Не могу объяснить точнее. Но мне почему-то кажется, что без этих чудес света мы не выйдем из Склепа.

Чарльз кивнул.

– Хорошо, без проблем. Еще есть какие-то условия?

«Так просто? И никаких вопросов «почему»?» – удивился Костя, но виду не подал.

– Тогда я еду.

Он мысленно выдохнул, ведь мог сказать гораздо больше. Но, к счастью, не пришлось.

Команда формировалась два месяца.

Северов не участвовал в отборе напрямую, но Маршалл просто иногда присылал ему короткие сообщения: «нашел гляциолога, несколько лет прожил в Антарктиде» или «к нам присоединился специалист по гравитационным и электромагнитным аномалиям, она разработала портативный детектор, который реагирует на изменения полей в реальном времени».

Костя понимал, что в действительности Чарльз не нуждался в его согласовании, ведь ни одно из имен не предлагалось на утверждение. И все же сообщения шли – раз в неделю, иногда чаще. Должно быть, это был такой способ построить ощущение общего дела, посылая лишь короткие строки в мессенджере. И он работал.

Патриаршие пруды, теплый апрельский день. Листья только-только разворачивались на деревьях, и солнце, пробиваясь сквозь сквер, ложилось на стол теплыми пятнами. Маршалл уже сидел за угловым столиком и, как и в первый раз, заказал двойной эспрессо, не глядя в меню. Северов взял то же.

– Ты читал мои книги, – сказал Костя, когда чашки оказались на столе, – как обычную литературу, а не как техническое задание. Верно?

– Да. И не только цикл «Хранитель Порядка», еще прочитал ранние работы: «Звезды за горизонтом», «Последняя колония», «Тени Андромеды», а также, естественно, все другие циклы про Виктора и Анну. – Чарльз пожал плечами, как будто речь шла об очевидном. – Ты пишешь хорошо. Но кое-что мне не давало покоя.

– Что именно?

Чарльз немного помолчал, что было нетипично. Обычно он отвечал быстро.

– Я понял, что ты одинокий человек. Не в смысле, что у тебя нет друзей или семьи. А в том смысле, что ты видишь то, чего другие люди не видят, и не знаешь, куда с этим пойти. Поэтому пишешь эти удивительные истории, потому что они – единственная достаточно большая вещь, которую могли бы заметить другие.

Костя некоторое время молча смотрел на него.

– Ты угадал, – сказал он наконец.

– Я не угадал. Это отражено в тексте. Если, конечно, читать внимательно.

«Или все же изучил меня достаточно хорошо за весь прошедший год. И явно не по книгам».

Они помолчали. Пруд был тихим. Обычный весенний день в Москве. Такой нормальный, что Костя вдруг почувствовал что-то похожее на тоску, причем не по прошлому, а по вот таким обыденным дням, которые скоро для него закончатся.

– Чарльз, зачем это тебе? Спрашиваю не с научной точки зрения. Лично тебе.

Маршалл взял чашку. Долго смотрел на воду.

– Я для себя сформулировал это давно. Если ты вдруг понял, что где-то рядом существует нечто по-настоящему важное, а ты предпочел сидеть на месте, потому что так теплее и безопаснее, то дальше уже неважно, как сложится остальная жизнь. Внутри появится одна противная заноза: «ты испугался». И со временем она не пройдет. Наоборот, станет только хуже. Потому что в молодости еще можно сказать себе: «потом как-нибудь разберусь». А когда понимаешь, что «потом» никогда уже не наступит, тогда эта заноза начнет шевелиться внутри так, что заглушить ее будет уже нечем.

Он опустил чашку.

– Я не хочу оставлять занозы.

Костя кивнул.

– Я тоже, – сказал он тихо. – Как выяснилось.

– Кстати, с составом команды я уже закончил. Вечером пришлю окончательный список. Ознакомишься?

– Хорошо, гляну.

– Если кого-то не захочешь видеть рядом, – добавил Чарльз с легкой улыбкой, – только скажи. Обязательно поменяю.

Костя кивнул, понимая, что никого менять он не собирается.

Список пришел около десяти вечера, файлом в одну страницу.

Двенадцать имен, коротко: специализация, возраст, опыт полевых экспедиций. Без биографий, без рекомендаций, без фотографий. Только то, что нужно знать, чтобы человек стал частью маршрута.

Игорь Сергеевич Крылов, доктор наук, геоархеолог. Эмма Лоунс, физик. Дитер Фогель, геолог. Рауль Гарсия, инженер-механик. София Лундберг, полевой медик. И еще восемь имен, которые Костя пробежал глазами один раз. Через неделю они все равно познакомятся в Шереметьево; зубрить сейчас было незачем. Да и близко знакомиться с ними как-то желания особо нет.

За окном уже опустилась ночь. Костя долго сидел перед включенным компьютером, прокручивая список вниз-вверх, потом вниз еще раз. Двенадцать чужих жизней, выложенных в строчку. Двенадцать человек, которые согласились идти туда же, куда и он, только на основании того, что им рассказал Чарльз.

За день до отъезда Костя был рад увидеть своего лучшего друга, возможно, в последний раз. Андрей пришел с пивом, сел на диван и спросил напрямую:

– Ты уверен?

– Нет, – честно ответил Костя.

– Тогда зачем?

Северов помолчал. Потом взял блокнот – самый первый, исписанный уже до конца – и положил его на стол между ними.

– Пять лет назад я начал записывать сны. – Он открыл его на первой странице, листнул вперед. – Вот первый: зал, Книга, руны в пирамиде. Стандартно, легко описывается, легко превращается в сюжет. Вот год спустя. Уже сложнее: новые локации, детали.

Листнул еще.

– Три года назад я приступил к изучению Склепа и всех имеющихся миниатюр. На это понадобилось больше двух лет.

Затем достал новенький блокнот и открыл на последних исписанных страницах.

– А сейчас мне снится тот мир – город с двумя источниками света, руины, тишина, в которой что-то присутствует. Это в книги не войдет и об этом никому, кроме тебя, не расскажу.

Андрей молча смотрел.

– А вот последняя запись. – Костя остановился на странице. – Три недели назад. Я снова оказался в том городе, в руинах, и там что-то изменилось... Мне показалось, что кто-то приближается. Явно не человек и не что-то, у чего есть намерение или мысль. Это было нечто, у чего есть только голод. Я не видел его напрямую, заметил только тень, слишком большую и слишком быструю. Это я называл уже кошмаром.

Он закрыл блокнот.

– Андрей, я несколько лет жду, пока сны закончатся сами. Но в итоге погружаюсь все глубже. И я, наверное, уже должен что-то предпринять. Иначе, боюсь, что однажды уже не проснусь.

– Ты боишься...

– Да.

– Тогда объясни мне, как «идти туда» решает проблему «боюсь не проснуться»?

Костя тяжело вздохнул.

– Не знаю, решает ли. Но в снах есть выход из Склепа – это тот коридор с аркой. Он определенно ведет куда-то дальше. Возможно, в эти руины. Но если и есть ответ на вопрос, что происходит со мной, то он там. Не здесь, не в нашем мире.

Он посмотрел на Андрея.

– Я пять лет получаю инструкции. Может, пора уже ими воспользоваться?

Друг открыл пиво. Долго молчал.

– И позвонить не сможешь... – проговорил он наконец.

– Как только будет связь, обязательно позвоню.

– Из Антарктиды?

– Там есть спутниковый интернет. Наверное.

– Наверное, – повторил Андрей без выражения. – Отлично. Очень успокоил.

Костя улыбнулся в первый раз за несколько дней.

Москва провожала их пасмурным апрелем.

Северов вышел из квартиры с одним чемоданом: большим, тяжелым, набитым теплыми вещами по списку, который прислал Чарльз. Блокнот лежал в походном рюкзаке. За пять лет он стал плотнее: толстый картонный переплет, корешок, обмотанный скотчем в том месте, где когда-то порвался. Внутри – двести с лишним страниц, исписанных мелким почерком, а также схемы и обрывки фраз, которые сами по себе уже мало что значили без человека, который их записал.

В лифте Костя поймал свое отражение в металлической панели. Тридцать пять лет. Темные круги под глазами, которые никак не проходили. Легкая щетина – не отрашенная нарочно, а такая, какая бывает у людей, переставших обращать внимание на зеркало. Это было обычное лицо человека, который слишком мало спит и слишком много думает, который пять лет шел к одному решению и, наконец, его принял.

Лифт открылся. За стеклянной дверью подъезда стоял серый московский день.

Костя вышел.

Глава 7. Рунический ключ

Аэропорт Шереметьево встретил их очередями на регистрацию. Четырнадцать человек у стойки выглядели как группа исследователей: снаряжение, кейсы с оборудованием, усталые лица людей, которые хорошо знают, что такое ранний вылет. Ничего лишнего.

Это была группа из одиннадцати стран. Рабочим языком, конечно, стал английский. Костя владел им свободно, хоть и без той естественности, какую дает родной язык. Чарльз и Эмма это видели и в личных разговорах с ним всегда переходили на русский. С Крыловым по-русски говорили все, кто умел: английский Игорь Сергеевич знал прилично, но говорил на нем без удовольствия.

Сейчас Северов стоял чуть в стороне и смотрел на собравшуюся команду. Дмитрий Ковалев – сорок лет, биофизик – разговаривал по телефону быстро, явно объяснял кому-то, куда уезжает. Ли Вэй – тридцатилетний аэродинамик из Чэнду – проверял содержимое рюкзака третий раз подряд. Не из-за того, что что-то забыл. Он не мог не проверить. Такой вот человек. Рауль Гарсия – двухметровый бразилец с руками инженера и совершенно спокойным взглядом – тащил два кейса одновременно, как будто веса в них не было.

Казалось, что четырнадцать человек – слишком много для того, чтобы просто посмотреть на руны. Костя понимал это. Но Чарльз собирал не группу для чудес света, он собирал команду для Антарктиды. Историк со знаниями геоархеологии, геолог, гляциолог, три физика, биофизик, аэродинамик, три инженера и специалист по полевой медицине. Каждый знал, куда они в итоге попадут, и каждый подписался под официальной версией: геофизическая экспедиция к подледной аномалии в районе полярного плато.

Неделю назад, когда проводился закрытый брифинг в Лондоне, большинство из них удивились необходимости сбора рун. Чарльз объяснил кратко: есть восемь точек по всему миру, есть человек, который знает, где именно искать, и есть процедура, без которой выход из Склепа невозможен. Подробности не давал, только факты. Люди, которых он отбирал, не нуждались в подробностях. Им достаточно было задачи.

Северов не знал, насколько они верили в то, что делают. Не знал, что Маршалл им пообещал и какую цель перед ними поставил. Но они были здесь. Это уже что-то значило.

Конечно, кто-то из них спросил Чарльза еще на брифинге: зачем везти всю команду по чудесам света? Почему не отправить передовую группу в Антарктиду сразу, чтобы разбить лагерь и подготовить оборудование?

Маршалл ответил так же кратко: в Антарктиду сейчас нельзя, сезон, окно для работы открывается в мае, не раньше. Но это была лишь часть правды.

Настоящая причина, которую Чарльз вслух не произнес, была проще и весомее: люди, которые через несколько недель окажутся там, откуда не возвращаются обычным путем, должны успеть узнать друг друга. И узнать не через анкеты. Крайне важно увидеть, кто как держится у мексиканской пирамиды в три часа ночи. Кто страхует веревку без лишних слов, а кого требуется дополнительно просить. Важны любые детали, даже знание того, кто обязательно проверит свой рюкзак не меньше трех раз, потому что иначе не успокоится.

Маршрут по чудесам света – это не подготовка к экспедиции. На самом деле, она уже началась, причем наиболее важная ее часть.

Чарльз, как и подобает лидеру этой экспедиции, стоял посередине, на самом видном месте и разговаривал сразу с двоими. Он всегда умел держать несколько нитей одновременно, не цепляясь, как будто это получалось само. Костя отметил это еще в первую встречу. Сейчас только подтвердил.

Эмма подошла сама.

– Вы плохо спали, – сказала она вместо приветствия.

– Доброе утро.

– Доброе. – Девушка взяла кофе из автомата, протянула стакан Косте. Он покачал головой. – Снова что-то снилось?

– Снова.

Она кивнула с тем внимательным принятием, которое Костя не умел классифицировать иначе, как «ей действительно не все равно». Это было необычно. Большинство людей, узнав про сны, первым делом начинали проявлять интерес к содержанию, а не к тому, каково это – видеть их пять лет подряд. Эмма же молча постояла рядом, медленно потягивая свой кофе.

– Что было сегодня? – спросила она чуть позже.

– Тот мир. Руины. Еще какая-то тень.

– Та же, что и раньше? – уточнила она, даже не подозревая, о какой тени идет речь.

– Та же, – сухо ответил Костя.

Он не любил на эту тему разговаривать с посторонними. Только Андрей знал подробно. Стоило бы, конечно, быть с командой откровеннее – Костя понимал это. Но сдерживало одно практичное соображение: все, что он знал о Склепе, имело смысл только при нем лично. Без него эти знания превращаются в инструкцию для людей, которые могут не вернуться. А писатель не мог этого допустить, именно поэтому старался не раскрывать подробностей раньше времени, чтобы оставаться ключевой фигурой данной команды.

Девушка ничего не добавила. Они стояли рядом и смотрели, как Чарльз разбирается с таможенным декларированием сразу за всю группу, и это само по себе выглядело как-то успокоительно.

Рейс на Мехико вылетал через час двадцать.

Чичен-Ица встретила их в три часа ночи.

Место было выбрано намеренно. В цикле «Хранитель Порядка» оно ни разу не упоминалось – ни прямо, ни в проходных описаниях. То же касалось остальных семи точек маршрута. Костя выбирал их по самому простому критерию: ничего из того, что он когда-либо публиковал. Те, кто шел по его книгам, знали только то, что в них написано. Сны он оставил себе.

Маршалл заранее организовал доступ через местные контакты – официально под предлогом «технического осмотра акустических характеристик пирамиды». Охранники не спросили ничего лишнего, просто проводили до ограждения, после чего вернулись на свои места, оставив группу Чарльза в одиночестве. Туристов не было. Огромный комплекс под звездным мексиканским небом стоял тихо.

Костя знал, куда идти.

Пирамида Кукулькана была слишком точной. Каждая ступень под ногами совпадала с той, по которой он поднимался во снах столько раз, что воспоминание давно перестало отличаться от воображения. Запах тоже совпадал: сухая трава, что-то смолистое в воздухе. Костя не планировал об этом писать в книгах. Пусть останется его личным.

Набор рун разместился на северной стороне, на третьей ступени снизу, чуть правее от центра. В небольшом сколе камня, куда даже при дневном свете не смотришь. Ночью же он едва светился – тонкое, ровное мерцание, похожее на иней, проступивший на стекле.

– Там, – сказал Костя.

Крылов встал рядом, направил модифицированный люминоскоп, замер на минуту, две. За эти минуты Костя успел отметить, что без аппаратуры руны были видны только ему – остальные смотрели на пустой скол, и направления их взглядов не сходились. Похоже, это была какая-то уникальная особенность, приобретенная благодаря снам. Касаться рун раньше времени Костя не стал, ведь Игорю Сергеевичу нужны были собственные данные.

Через десять минут доктор наук почти беззвучно хмыкнул так, будто нашел, что искал.

– Кристаллическая структура та же, – произнес он негромко. – Аномалия в решетке. Как в Хеопсе.

Костя опустил на колено. Поднял руку и остановился в сантиметре от камня.

Он не боялся. Просто хотел запомнить это конкретное «до». Дальше будет «после» – непоправимое, поворотное; а это – последний кусочек прежней жизни, в котором он еще ничего не сделал и ничему не дал толчка. Костя подержал ладонь над сколом, словно прощаясь со старым собой, и положил ее на камень.

Тепло пришло сразу, но не такое, как от огня. Было больше похоже на прикосновение к чему-то живому. Даже возникло ощущение, что невидимая энергия узнала Костю, поэтому начала плавно перетекать через руку в его тело. Руны при этом угасали медленно – и через несколько секунд камень сделался самым обычным камнем. Серый, шероховатый, ничем не выделяющийся скол в основании ступени. Как будто здесь никогда ничего необычного и не было.

Эмма стояла, опустив планшет.

– Как вы это сделали? – тихо спросила она.

– Поглотил отпечаток нейпсил-активности, – ответил Костя, поднимаясь. – Извини, подробнее не объясню. И не спрашивай, что такое нейпсил. Я и сам не до конца понимаю, что из всего этого знаю.

Возникла тишина – удивленная тишина людей, которые видели то, чего не должны были видеть, и теперь решали, как с этим жить дальше. Крылов пробубнил себе под нос, вспоминая что-то свое:

– Значит, те случаи с исчезновением рун все-таки правдивы.

Маршалл стоял чуть позади и некоторое время тоже молчал. Он так-то всегда умел молчать правильно, позволяя событию происходить без комментариев, когда это требуется.

– Один из восьми, – произнес Чарльз наконец.

– Один из восьми, – повторил Костя.

– Как себя чувствуешь?

Костя подумал.

– Ничего особенного. Видений нет, откровений тоже. Наверное, снова получил какие-то абстрактные знания, которые когда-нибудь внезапно всплывут, как бывает от попытки вспомнить что-то конкретное.

Он посмотрел на свою руку, чувствуя остаточное тепло от прикосновения.

– Еще показалось, что камень как будто получил то, что давно хотел получить, а эти руны вообще живыми оказались. – Костя немного замаялся. – Извини, все это звучит очень странно, но понятнее я не знаю, как сказать.

– Нет, – сказал Чарльз. – Звучит достаточно ясно.

Группа работала тихо. Никто не приставал с расспросами, что именно произошло и почему надо было трогать камень ночью. Даже про нейпсил-активность никто не заговорил. Чарльз и впрямь умел выбирать людей: каждый знал, какую задачу ему надо выполнять, и не пытался разгадать чужую часть, пока его собственная этого не потребует. Доверие у них работало без сантиментов.

Они вернулись к машинам еще до рассвета, но небо на востоке уже потихоньку светлело. Хоть на улице и было тепло, но Костя не отказался от термоса с горячим чаем, который ему предложил Таро Накамура – молодой инженер высоковольтных систем из Токио. Чай оказался крепким и бодрящим – пришлось как нельзя кстати, чтобы не уснуть до посадки в самолет.

Петра.

Иордания, тридцать градусов к полудню. Они пришли на рассвете, когда туристов еще не было, а персонал уже находился на своих местах. Чарльз снова договорился заранее.

Руны нашлись внутри Эль-Хазне, причем не на знаменитом фасаде, который снимают со всех ракурсов для любой статьи об Иордании, а в правом углу внутреннего зала, в щели между двумя блоками розового песчаника, куда туристические экскурсии не заводят даже после доплаты. Костя пошел к ним прямо, как к знакомой стене у себя дома, ведь во сне он стоял у этой ниши не один раз.

На этот раз ощущение оказалось другим – значительно острее. Как слабый, точечный разряд тока, но без боли. Камень в Петре откликнулся без задержки, и набор рун погас за считанные секунды. Быстрее, чем в Мексике.

Крылов записал данные, сравнил с Хеопсом. Молча кивнул.

– До сих пор не понимаю, почему руны исчезают, – говорил он Эмме вполголоса, пока они шли к выходу. – В десятках экспедиций я лично прикасался к найденным рунам, и они никогда не пропадали.

– Может, проблема в совместимости? – предположила она, не поднимая взгляда от планшета.

Доктор наук вздохнул, упрекая себя в недостаточной проработке рассматриваемого вопроса, после чего сменил тему:

– Кстати, а ты заметила, что у этих рун не только структура немного отличалась, но и частота излучения оказалась выше нормы?

– Да. И это подтверждает мою гипотезу. Если каждую точку принять как отдельную составляющую, то расчеты резонанса могут показать совершенно другой результат. И уже сейчас видно, насколько велика погрешность в моих вычислениях. Поэтому мне надо будет заново пересчитать координаты перед отправкой в Антарктиду.

– Значит, без этих восьми новых точек мы бы не нашли вход? – уточнил Игорь Сергеевич.

– Нашли, но было бы уже поздно, – пояснила Эмма.

Костя не вмешивался в их разговор. Шедший рядом Джон Моралес – гляциолог, канадец с испанскими корнями – просто нес аппаратуру. Обычно от него было шумно: громкий голос, быстрые реакции, комментарий на все. Сейчас молчал. Видимо, даже у Моралеса бывали моменты, когда нечего добавить.

Водопад Виктория.

Зимбабве, граница с Замбией. Грохот воды, который слышен за два километра. Набор рун разместился на скальном выступе с зимбабвийской стороны – на уровне груди, в слое темного камня под постоянной взвесью брызг. Чтобы до них добраться, Ли Вэй и Рауль Гарсия страховали веревкой, потому что было мокро и скользко.

Костя коснулся, и руны исчезли.

Тепло оказалось едва различимым. То ли камень был просто холоднее, то ли сигнал тише. Но он был.

– Три, – сказал Чарльз, когда Костя выбрался обратно.

– Три.

Маршалл посмотрел на него с некоторым интересом.

– Ты каждый раз останавливаешься перед касанием.

– Да.

– Зачем?

Костя вытер руку о куртку.

– Запоминаю. Каждый раз последний момент «до».

Чарльз помолчал.

– До чего?

– До того, как это становится необратимым.

Маршалл ничего не ответил. Просто кивнул, когда понял не слова, а то, что под ними.

Подземная река Пуэрто-Принсеса.

Палаван, Филиппины. Лодка по темному каналу под каменным сводом, фонари на носу, летучие мыши в темноте наверху. Туристический маршрут заканчивался в полукилометре от нужной точки, а дальше шли пешком по узкому берегу, где вода была по щиколотку.

Костя знал точно: третий боковой проход от большого сталактита, форма которого похожа на вытянутую руку. Он видел это во сне не меньше десяти раз. В последний раз – сегодня ночью.

Они дошли.

Боковой проход был. Сталактит был. Костя посветил налобным фонарем на стену туда, где должны были быть руны: в конкретной точке, на уровне плеча.

Камень оказался пустым.

Не просто без свечения, но и без структурной аномалии, которую Крылов находил везде. Только камень с трещиной – ничего не значащей щелью в известняке.

– Нет? – удивленно произнес Костя.

Крылов поднес прибор ближе. Подождал. Изменил частоты.

– Я тоже ничего не вижу, – подтвердил он спустя десять минут, пройдя весь диапазон от триста пятидесяти до четырехсот нанометров. – Ни отклика, ни остаточного тепла.

Тишина. Только вода и летучие мыши в темноте наверху.

– Здесь были, – произнес Костя. – Я видел их точно здесь. Буквально этой ночью.

– Боюсь, что мы опоздали. Не только наша экспедиция ищет вход в Склеп, – пояснил Игорь Сергеевич. – И, похоже, не только ты способен поглощать руны.

Чарльз стоял у входа в проход и ждал. Когда исследователи вышли, не спросил, а просто посмотрел.

– Кто-то успел раньше, – разочарованно произнес Костя.

– Случайно такое не находят, – добавил Игорь Сергеевич.

– Японцы? – спросила Эмма.

– Или кто-то с той же информацией, – ответил Чарльз спокойно, констатируя факт. – Это не катастрофа. У нас есть запасные точки?

Северов кивнул.

– Есть. Сантьяго-де-Компостела. Тот же набор рун, та же позиция в последовательности. – Пауза. – Последовательность строгая. Нельзя пропустить точку и взять следующую. Тогда не сработает. Я предполагал, что одна из локаций может оказаться пустой, поэтому подготовил по две замены заранее. Для каждой из точек.

– Этого тоже нет в твоих книгах, – сказал Чарльз.

– Нет.

Чарльз едва заметно улыбнулся без какой-либо насмешки, и в его глазах читалось что-то похожее на уважение.

– Хорошо, тогда у нас есть преимущество.

Сантьяго-де-Компостела.

Галисия, северо-запад Испании. Они приехали в воскресенье не специально, просто так сложился маршрут. И в этот день на площади перед собором было много паломников.

Костя шел среди людей и думал о том, что это место он впервые увидел во сне еще четыре года назад. Средневековый город, собор с двумя башнями, мощный двор и набор рун в правой башне, на третьей ступени внутренней лестницы, на камне под перилами.

Он сказал об этом Чарльзу на подъезде. Тот выслушал, не перебивая, но на его лице читалось сомнение. Здесь всегда было много народу. Поэтому кто-то наверняка мог уже обнаружить их. Однако лишь кратко спросил:

– Ты уверен?

– Нет.

– Но идешь.

– Иду.

Лестница внутри башни была узкой, камни – отполированными ногами паломников за столетия. Туристы поднимались к смотровой площадке, и никто из них не смотрел под перила.

Но именно там находились руны.

Тусклые, почти неразличимые при обычном освещении. Крылов поднес прибор и спустя некоторое время подтвердил наличие аномалии. Ее структура оказалась такой же, что и у остальных.

Северов опустился на колено и коснулся их.

Тепло разливалось по телу как-то странно, напоминая тягучую жидкость. И все то же ощущение узнавания, как будто руны ждали именно его, а не просто кого-то с правильным знанием. Костя даже поймал себя на том, что не хочет убирать ладонь.

Набор символов долго не угасал. Прямо как угли костра, которые каждый раз разгораются от любого дуновения ветра.

Костя поднялся, оглянулся. За окном башни – красные черепичные крыши старого города, зеленые холмы вдалеке, низкое пасмурное небо, в котором собирался очередной галисийский дождь.

– Почему именно здесь? – тихо спросил Чарльз.

Они остались на этом пролете лестницы вдвоем. Остальные уже спустились наружу, и Костя слышал внизу голос Эммы, а также приглушенный смех кого-то из инженеров.

– Не знаю. Я никогда не понимал, по какому принципу руны распределены по миру. Просто вижу их во сне и записываю в блокнот. Ну, или не записываю.

– А почему руны этого собора решил не использовать в своих книгах?

Костя подумал.

– Это место мне показалось слишком обыденным. Совсем не книжным.

Он помолчал, подбирая слова.

– В книгах должна быть дистанция между автором и тем, что он описывает. Если написать о том, во что веришь по-настоящему, то в итоге выйдет какое-то признание. – Пауза. – А я не был готов признаваться.

Чарльз помолчал. Потом негромко произнес:

– А сейчас?

Костя посмотрел на него.

– Сейчас признаюсь, что видел и записывал. – Он убрал руку в карман куртки, нащупал твердый край блокнота. – И я рад, что с вами поехал.

Маршалл кивнул, слегка улыбнувшись, и они спустились вниз.

Глава 8. Финальная точка

Пещера в предгорьях Эвереста.

Они добирались чуть больше дня: вертолет до базового лагеря у ледника Кхумбу, дальше пешком по маршруту, который официально числился как закрытый для туристов. У Чарльза имелись все необходимые разрешения. Костя теперь не удивился его связям и деньгам.

На высоте воздух был другим – настолько разреженным, что каждый вдох давался с трудом. Аиша Патель – физик из Мумбаи, специализировавшаяся на тепловых аномалиях – почувствовала давление в ушах еще на подъеме. Она вообще остро реагировала на любые изменения температуры и давления, как будто тело давно привыкло считать то, что другие не замечают. Анабель Роуз – инженер-механик, художавшая французенка в круглых очках с толстыми линзами, за которыми глаза казались меньше, чем были на самом деле, – побледнела и без лишних слов опустила на рюкзак. Они дальше не пошли и остались в лагере вместе с несколькими другими членами команды. С ними осталась и София Лундберг – норвежка, полевой медик, из тех людей, чье присутствие рядом само по себе действует успокаивающе, хотя они никогда ничего специально для этого не делают.

Крылов вот удивил. Костя ожидал, что он тоже останется из-за возраста, высоты или здравого смысла. Но Игорь Сергеевич только застегнул куртку, поправил прибор на плече и пошел. Медленнее обычного, конечно, и с паузами на каждом третьем шаге, но пошел. А вот Рауль Гарсия как будто и не замечал высоты вовсе. Он шел так, словно гора была просто дорогой. На плече – складная стремянка из снаряжения, которую Костя попросил взять еще в лагере.

Северов в какой-то момент хотел сдаться, ему путь тяжело давался, но Лоунс, шедшая рядом, поддерживала. Ее шаги были маленькими, но уверенными.

– Костя, я с вами, – проговаривала Эмма каждый раз, когда писатель делал небольшую остановку.

Пещера располагалась в скальной нише в ста метрах от основного пути. Вход был узким, поэтому проходили по одному. Внутри пахло льдом и камнем.

– Руны на потолке, – сказал Костя, еще не отдышавшись.

Рауль тут же разложил стремянку. Затем проверил опоры на неровном камне и крепко схватился рукой. Костя дождался, когда Игорь Сергеевич закончил со своим анализом, после чего забрался наверх и потянулся к потолку. Набор символов едва светился в луче фонаря так, что сразу и не разглядишь, если не знать, куда смотреть.

Тепло пришло сильнее, чем в других местах. Как будто эта точка ждала дольше остальных. Давление в голове при касании на секунду, только на одну секунду стало острым, почти болезненным, но моментально прошло, не оставив и следа.

Руны погасли.

– Пять, – сказал Костя, слезая.

– Хорошо, – ответил Чарльз.

На спуске шли молча. Солнце уже стояло низко за хребтом, и снег под ботинками начинал синеть. Было видно, что вечер в горах настанет быстро.

Великая Китайская стена.

Северный участок, пять утра, за час до открытия для туристов. Чарльз снова договорился. Костя уже и не размышлял о том, как именно ему это удастся.

Руны были в камне на третьей башне от западного входа: в основании, почти у земли, в шве между двумя блоками. Туристы проходили мимо тысячами ежедневно, никто не смотрел вниз. Никто не знал, что и где искать.

Костя присел на корточки, коснулся.

Все это уже стало привычным: странное тепло, иногда давление в голове, после чего ожидаемое угасание. Шестой набор, и три четверти пути позади.

Северов стоял у стены, пока солнце поднималось над холмами, и думал о том, что стена – это тоже граница. Эта вот считалась военной, предназначенной для защиты от кочевников, однако ее можно рассматривать и как психологическую стену, определяющую внутренние границы.

– О чем думаешь? – спросил подошедший Чарльз.

– О границах, – ответил Костя.

– Каких именно?

– О том, что люди их строят везде. Стены. Запреты. Категории по типу «Это возможно, это нет». – Он посмотрел на гребень стены. – А потом удивляются, когда что-то оказывается по ту сторону.

Маршалл встал рядом.

– Эта, впрочем, никого толком и не останавливала, – сказал он негромко, глядя на гребень. – Ни монголов, ни маньчжуров. Стояла столетиями, но каждый раз, когда было важно, через нее проходили. Поэтому можно сказать, что работала не как защита, а как объявление: «вот мы, а вот – степь». Кстати, а ты долго жил с этим?

– С чем? – не понял Костя.

– Со своей стеной. Ты же сам себе ее построил, огородив внутренний мир от внешнего. Ты же до сих пор не в полной мере делишься тем, что знаешь.

Северов не сразу ответил. Он ведь действительно считал все эти опасные знания чужими и, по-хорошему, не должен был их вообще знать. Ведь от его неосторожных действий эти знания стали доступны общественности, а Костя все продолжал достраивать стену, которой давно нечего охранять.

– Ты прав. Наверное, с того самого YouTube-канала, после которого и начался весь этот ажиотаж.

– Тяжело?

Костя подумал и ответил честно:

– Сложно сказать. По-разному. Когда писал книги, было интересно. Потом вот тяжело. Сейчас опять интересно, правда, уже не так. – Пауза. – Когда видишь, что само оно не остановится, любопытство кончается, и остается что-то вроде нужды.

Чарльз кивнул.

– Я понимаю это чувство.

– Ты всегда такой?

– Какой?

– Целенаправленный. Ровный. Возникает чувство, что как будто у тебя нет никаких сомнений.

Маршалл тихо и без позерства усмехнулся.

– Конечно же, сомнения есть. Просто я не задерживаюсь на них дольше, чем нужно. Если что-то существует и это важно – туда и идешь. Сомнение – это тоже часть пути, а не повод с него сходить.

Он посмотрел на стену.

– Я вырос в семье, где не было денег, чтобы позволить себе сомнения. Сначала это казалось несправедливым. Потом, как ни странно, оказалось полезным.

Костя не ожидал такой откровенности. Чарльз ведь не любил говорить о себе и обычно переводил разговор обратно к делу. А тут – без дополнительных вопросов, сам.

– Откуда ты? – спросил Костя.

– Дублин. Восточная часть, не туристическая. – Пауза. – Я знал уже с двенадцати лет, что стану исследователем. Романтика, тяга к открытиям – это все литературные штампы. У меня

все было прозаичнее: исследование оказалось единственным легальным способом подобраться близко к тому, что меня интересовало.

– К чему именно?

– К тому, что нельзя объяснить иначе, пока не изучишь. – Чарльз посмотрел на него. – Ты пишешь, а я исследую. Разные инструменты, но одна и та же невозможность остановиться. Северов промолчал, решив, что сейчас какие-либо слова станут явно лишними.

Они так и стояли у стены, пока вдалеке на дороге не показалась первая туристическая группа.

Сигирия, Шри-Ланка. Руина крепости на скале. Крылов проявил аномалию за шесть минут, затем Северов коснулся. Семь.

Последняя точка находилась в Германии. Кельнский кафедральный собор, восточная стена, седьмая колонна от северного входа. Чарльз договаривался с местными на немецком сам. Говорил бегло, с легким акцентом. Вскоре всю группу пропустили.

В этот раз Крылов долго настраивал аппаратуру, но руны так и не проявились.

Костя смотрел на камень и чувствовал холодное, спокойное раздражение.

– Уже второй раз, – сказал Игорь Сергеевич негромко. Он больше ничего не добавил, но этого было достаточно.

«Кто-то работает методично. У кого-то есть список возможных точек. Либо же перебирает все, что можно перебрать».

– Замена восьмой есть? – спросила подошедшая Эмма.

– Есть, – ответил Костя. – Дубликат расположен в руинах Сент-Эндрюса.

Амина аль-Хадид, которая до этого молчала, подняла взгляд. Высокая, сдержанная алжирка с темными глазами и металлическими бусами на шее, которые она перебирала пальцами машинально, прямо как четки. Являлась специалистом по гравитационным и электромагнитным аномалиям. Говорила редко, но по делу.

– Значит, у нас больше информации, чем у тех, кто успел раньше.

– Надеюсь, – устало произнес Костя.

– Тогда это не плохая новость, – сказала она и вновь склонилась над своими записями, а ее пальцы забегали по сенсорному экрану, сверяя данные.

Чарльз, все это время молчавший, перевел взгляд на писателя. Пауза была чуть длиннее обычной.

– Я сомневаюсь, что кому-то известна строгая последовательность.

Костя задумался, и взгляд его упал на пустой камень, где когда-то находились руны.

– Наверное, – отозвался он. – Вот только мне все равно не нравится, что кто-то их тоже собирает.

– Это гонка, – пожал плечами Чарльз. – Просто теперь мы точно знаем, что не одни. Беспокоиться, впрочем, рано. Скорее всего, нашлись случайные люди, способные поглотить руну одним лишь касанием. Прямо как ты. Вот только явно без какого-либо понимания, что они вообще сделали. Иначе я бы давно узнал.

Руины Сент-Эндрюса.

Шотландия, двадцатые числа мая, девять утра. Серое небо и мелкий дождь, который, кажется, шел здесь постоянно. Старый собор стоял в руинах у самого моря. От него остались только стены. Крыши нет, внутри – трава. Туристов в такую погоду почти не было.

Это последняя точка.

Костя шел среди серых стен и чувствовал нечто странное. Облегчения не чувствовал. Торжества – тоже. Скорее это напоминало завершенность, прямо как у точки в конце предложения, после которой, впрочем, всегда идут новые слова.

Руны находились в северной стене, в нише у основания, где когда-то стояла боковая апсида. Крылов подошел первым и, не дожидаясь команды, настроил аппаратуру.

– Есть, – сказал он через несколько минут.

Костя присел и коснулся финальной восьмой точки.

Он сидел на мокрой траве еще несколько секунд. Дождь все продолжал идти, но его шум не перекрывал гул моря, хотя от руин до воды было не больше сотни шагов.

– Все? – спросил Рауль за спиной.

– Все, – подтвердил Костя, поднимаясь.

Четырнадцать человек стояли вокруг, и тишина между ними не нуждалась в словах. Они делали это вместе почти полтора месяца. Ни один из них за исключением Чарльза не знал того, что знал Костя: зачем нужно касание, что оно дает, почему Книга и почему именно Антарктида. Однако эти люди шли, не требуя каких-либо объяснений. Маршалл каждого смог убедить.

Северов смотрел на них. Все были мокрыми и уставшими. Стояли с оборудованием, прикрытым пленкой. Никто не жаловался, что само по себе говорило о людях больше любых заполненных анкет.

– Едем, – объявил Чарльз.

До Антарктиды оставалось двое суток пути.

В самолете из Эдинбурга Костя сидел у окна. За стеклом висели плотные серые облака без единого просвета. О будущем он не думал. Думалось о другом – о том, что жизнь распадается на длинный список связанных последовательных решений, которые впоследствии становятся просто фактами. Каким бы крошечным ни был переход между «решил» и «сделал», всегда появлялось что-то непоправимое, оказывающее влияние на всю оставшуюся жизнь.

Блокнот лежал на столике перед ним. Раскрытый на последней записи – той, что он сделал в Шри-Ланке, в гостиничном номере посреди ночи: «Перекресток Миров больше, чем кажется. Книга – в центре». Костя и раньше знал, что выход из Склепа возможен только через Книгу, о чем Чарльзу уже говорил, но писатель даже не подозревал, что тот мир окажется настолько большим. То есть далеко не факт, что получится добраться до выхода. Получается, что решение поехать в Антарктиду может оказаться билетом в один конец.

Костя посмотрел на Эмму, которая умиротворенно спала рядом. Он даже ей всего не рассказывал, причем не из-за нежелания или какого-либо злого умысла. Костя просто не знал, с чего начать и как объяснить. Поделиться переживаниями удалось только с Маршаллом, который сейчас сидел через проход и что-то читал. Он-то знал все. Заметив взгляд Кости, Чарльз поднял глаза и тихо спросил:

– Не спишь?

– Нет.

– Думаешь?

– Думаю.

Пауза.

– О чем?

Костя посмотрел на облака за стеклом.

– О том, что я всю жизнь писал истории. Придумывал людей, ставил их перед выборами, описывал, что из этого выйдет. – Он немного помолчал. – А теперь сам оказался внутри одной такой истории. И чем она закончится, даже представить не могу.

Маршалл чуть улыбнулся.

– Никто не может.

– Тебе самому не страшно? Ведь мы можем и не выбраться из Перекрестка Миров. Кто-то из наших товарищей может умереть.

– Я им говорил, и они все равно пошли, осознавая все риски, – ответил Чарльз. – А про меня ты и так знаешь. Я больше всего на свете боюсь прожить остаток жизни с ответом «я не пошел». Страшнее этого для меня нет ничего. Так что твой Перекресток совсем не пугает. Мы обязательно найдем выход.

Он сказал это слишком спокойно – так спокойно, что Костя поверил не до конца, но в ответ лишь молча кивнул и закрыл блокнот.

За иллюминатором в разрыве между облаками на секунду показался океан – глубокий и бескрайний. Облака почти сразу сомкнулись.

Впереди – белая равнина, которую он видел лишь во сне, но совсем скоро, буквально через два дня, сон уже станет реальностью.

Глава 9. Вход

Антарктида пахла ничем.

Костя не ожидал этого. Он ожидал холода – холод был: минус сорок по Цельсию, отчего воздух входил в легкие, как битое стекло, а лицо через пять минут на улице становилось чужим, и ты переставал чувствовать, как двигаешь губами. Ожидал ветра – ветер был. И оказался неузнаваемым: знакомых звуков от него ждать было бессмысленно. Ни гула, ни завывания, ни свиста. Только горизонтальное давление – методичное, бесперебойное, будто сам мир хотел, чтобы ты ушел обратно. Вскоре оно начинало ощущаться даже в наушниках, даже под двумя шапками, становясь чем-то вроде присутствия. Ожидал белизны – белизна тоже была: триста шестьдесят градусов плоского, однородного снега, от которого уже на второй день начинало болеть что-то внутри черепа, и глаза, по-хорошему, требовали темных очков даже в полярных сумерках.

Но вот такого запаха совсем не ожидал. Точнее – его отсутствие. Ни земли, ни воды, ни растений, ни даже крохотной пыли. Абсолютно ничего живого. Воздух здесь был стерильным в буквальном смысле: чистейшим на Земле, прошедшим сотни километров над льдом без единого касания с чем-то органическим.

Костя вдыхал его и думал: вот так, должно быть, пахнет место, где ничего не было. Еще не было. Или уже не было.

Они летели сюда двое суток после Эдинбурга с пересадкой в Кейптауне. Чарльз договорился о внесезонном борте – в мае регулярных рейсов на лед не было. Из Кейптауна до базы «Новолазаревская» – на Ил-76, который при посадке на снежно-ледовую полосу бил корпусом так, словно самолет сам решил: все, больше никуда. Гарсия, бледный как мел, всю дорогу держался за подлокотники и ни слова не произнес.

– Ты же инженер, – говорил ему Ли. – Должен понимать, что статистически посадка на лед безопаснее, чем выглядит.

– Статистически, – мрачно согласился Рауль. – А вот интуитивно нет.

С базы Новолазаревская до целевого района их забросили на четырех гусеничных вездеходах. Восемь часов по ровному, как стол, льду под небом, которое в конце мая здесь не светлело вообще. Стояла полярная ночь. Солнце ходило за горизонтом кругами, не поднимаясь, и через несколько часов Костя перестал понимать, сколько времени прошло – два часа или шесть. Время, как водится, требует ориентиров. Здесь их не было. Спасали только наручные часы.

Чарльз сидел впереди, рядом с водителем, и от планшета с координатами не отрывался почти три часа подряд – за все это время поднял голову только единожды, чтобы проверить, не повело ли вездеход вбок. Эмма спала, прислонившись к окну. Игорь Сергеевич держал на коленях раскрытую тетрадь, страницы перелистывал редко – было видно, что готовился к чему-то заранее. Остальные молчали по-разному. Амина – сосредоточенно: на коленях у нее лежал ноутбук, и на экране что-то медленно считалось. Дмитрий – тревожно: его пальцы постукивали по сиденью в одном и том же ритме уже почти час. Рауль – с видом человека, который свое положение принял, однако смириться с ним пока не пробовал.

Костя смотрел в окно.

Горизонт здесь был обманчивым. Лед казался плоским – однако так себя проявляла иллюзия масштаба, ведь в действительности плато имело неровную поверхность: с плавными подъемами и снижениями, слишком медленными, чтобы заметить их глазом, но достаточными, чтобы сбить внутренний навигатор. На какой-то сотне километров Костя поймал себя на том, что не может сказать, поднимается вездеход или опускается. Несколько раз казалось, что гори-

зонт слегка изгибается. Как будто Земля здесь напоминала о своей шарообразности откровеннее, чем где-либо еще.

Он подумал, что граница – вот она. На картах ее, обычно, и не показывают: она начинается там, где привычная физика становится мягче, чем привыкла быть.

Потом увидел другое.

– Стоп, – сказал Костя.

Водитель не услышал – мотор гудел слишком громко. А вот Чарльз услышал и обернулся.

– Что такое?

Костя указал влево, где в нескольких километрах от маршрута лед слегка возвышался над плоскостью. Форма казалась неправильной. Снежные надувы обычно пологие и куполообразные, эта же форма была угловатой и с прямыми гранями.

Чарльз посмотрел, нахмурился, после чего уткнулся в планшет, чтобы свериться с координатами.

– Нам еще три километра ехать, – сказал он.

– Знаю, но вход там.

– Ты уверен?

Костя смотрел на угловатую форму у горизонта. Это было интуитивное узнавание, которое не требует объяснений. Просто – да.

– Уверен.

Чарльз секунду помолчал, затем сказал водителю повернуть.

По мере приближения форма становилась четче.

Это не было ни снежным надувом, ни ледяным куполом. Под снегом и льдом – судя по тому, как они легли – явно что-то скрывалось. Правильное, геометрическое. Контур угадывались снизу, как у предмета под натянутой тканью.

– Геологическая пирамида, – громко сказал Джон.

Он стоял рядом с Костей. Глаза от дисплея сейсмографа не отрывал.

– Природного происхождения. Теоретически. Вулканическая активность под ледяным щитом могла создать подобную форму. Вот только...

– Вот только? – спросил Чарльз.

– Здесь не должно быть вулканической активности.

Гляциолог снова посмотрел на дисплей.

– И смотри, – он развернул прибор к Маршаллу, – здесь сейсмика чистая. Ноль фоновых колебаний. Ноль. Это ненормально. Любая геологическая структура такого размера обязана давать фоновый шум от внутренних нагрузок. Здесь же – тишина.

– Мертвая? – спросила Аиша.

– Скорее стабильная, – поправил Джон. – И более того: будто защищенная. Что-то внутри компенсирует все внешние нагрузки.

Амина уже держала в руках свой детектор и медленно обходила по периметру. Через несколько минут остановилась.

– Чарльз.

– Да?

– Гравитационная аномалия подтверждена. – Девушка обернулась. – Сильнее расчетной, причем значительно. К тому же она нарастает по мере приближения.

– Нарастает? – переспросил Игорь Сергеевич.

– Именно, – повторила Амина. – Как будто источник реагирует на наше присутствие.

Тишина.

Костя смотрел на заснеженную форму у них перед собой. Двадцать метров в высоту, может, чуть больше. Снег лежал на ней ровно, без завихрений, будто ветер огибал ее. И в самом

деле: пока они стояли здесь, ветер давил со всех сторон, но у самого основания формы воздух был неподвижен. Как будто здесь стоял пузырь.

– Нужно искать вход, – сказал Чарльз.

Искали два часа.

Периметр у основания – около ста метров. Снег в большинстве мест лежал плотно, слежавшийся, трудно пробиваемый. Гарсия и Накамура работали с ручными буровыми зондами, Крылов шел следом со спектрометром. Амина шла последней, не отрывая взгляда от детектора. Свободной рукой перебирала бусы на шее быстрее, чем обычно.

Костя ходил вдоль основания и пытался понять, что именно требуется найти.

В снах он никогда не искал вход снаружи. Если не брать в расчет сны про руины, Северов всегда появлялся внутри зала с Книгой и только один раз, в самом первом сне, оказался в темном коридоре. А вот снаружи никогда. Это было неудобным пробелом, который он только сейчас полностью осознал.

– Костя! – Эмма окликнула его от северной стороны. – Подойдите сюда, пожалуйста.

Она стояла перед участком, ничем внешне не отличавшимся от остального. Только снег и лед кругом.

– Смотрите на данные, – сказала она и показала планшет. – Это анализ кристаллической структуры снежного покрова. Здесь видите? Кристаллы другие. Во всех остальных точках периметра – обычный снег. Здесь кристаллы переориентированы. Как будто что-то под ними изменило их структуру в момент образования.

– Что-то теплое? – предположил Костя.

– Нет. Температура одинаковая. – Она помолчала. – Что-то, что изменило электромагнитное поле в этой точке. Пусть слабо, но достаточно, чтобы кристаллы легли иначе.

Костя посмотрел под ноги. Обычный снег.

– Это здесь, – сказал он.

– Вы чувствуете?

– Нет. Просто знаю.

Он опустился на колени и начал разгребать снег руками. Толстые перчатки шли медленно, плохо. Снег был слежавшимся, как старый мокрый песок.

– Точка найдена! – громко объявил Чарльз, заметив, что Костя уже копает.

Оборудование привезли с запасом. Термобур, направленная акустика, малогабаритная система проходки. Помимо четырнадцати человек основной экспедиции здесь находились еще наемные рабочие.

Через пять часов бур неожиданно провалился. Просто без сопротивления ушел во что-то другое. Акустический отклик мгновенно изменился. Моралес переключил режим, обменялся взглядом с Чарльзом.

– Полость, – сказал Джон. – Большая.

– Насколько?

Он посмотрел на показания.

– Намного больше расчетной.

Прошел еще час – и уже Костя стоял на краю шахты, глядя вниз, в темноту. Шахту пробурили и расширили – настолько, насколько нужно, чтобы влезли четырнадцать человек со снаряжением.

– Проверка снаряжения, – скомандовал Чарльз. Голос звучал глухо через коммуникатор. – У всех должно быть: альпинистское оборудование, кислородные баллоны, фонари, инерциальные маяки, радиостанции. Гидрокостюмы, герметичные чехлы и подводные сани – в отдельных кейсах. По данным георадара внизу есть вода, глубина неизвестна. Сменный комплект одежды у каждого в рюкзаке. Проверили?

Все кивнули.

Костя стоял на краю, и грудная клетка казалась ему тесной. Все пять лет, пока Склеп ему снился, между сном и явью оставалась дистанция: можно было проснуться, налить кофе, начать новый день. Сейчас эта дистанция не ощущалась. И еще одно: он знал, что их ждет там, внизу. Знал, потому что видел это во сне каждую ночь последние две недели.

Божий Склеп, ведущий в Перекресток Миров, в котором живут кошмары. И золотая Книга, служащая выходом из того мира.

Эмма подошла сбоку, коснулась его руки через толстую перчатку.

– Вы готовы? – тихо спросила она.

Костя посмотрел на девушку. Лицо у нее было скрыто маской – оставались только глаза, по которым было видно: она знает, что слово «готов» здесь не означает ничего.

– Не знаю, – честно ответил он. – А ты?

Эмма слегка сжала его руку. Через две перчатки сжатие почти не чувствовалось, и все же оно дошло.

– Я с вами. Помните?

Костя кивнул. В книгах он годами давал персонажам похожие реплики, и они всегда казались ему слегка литературными. Но сейчас – поверил сразу же. Хоть страх никуда и не делся, но одиночество уже не так тяготило.

Лоунс все время оказывалась рядом в трудные минуты и всегда обращалась к нему на «вы». Это не раздражало, но создавало странную дистанцию между теплотой ее жестов и формальностью слов.

– Просьба обращаться на «ты». А то неловко как-то.

– Хорошо, – коротко ответила она и, кажется, чуть смутилась.

За их спинами Чарльз быстро проверял страховочные тросы по одной отработанной схеме на каждого человека.

– Внимание! – крикнул он, после окончания осмотра снаряжения. – Спуск займет два-три часа. Первым иду я, за мной Рауль, дальше остальные. Костя – в середине группы, в самом безопасном месте.

– Я не нуждаюсь в охране, – возразил писатель.

Маршалл подошел, положил руку ему на плечо.

– Не забывай: без твоего рунического ключа мы из Склепа не выйдем. Дойди до конца целым и невредимым. Это важнее всего остального.

Чарльз убрал руку с плеча, однако взгляд от него не отвел.

Костя молча кивнул.

Спуск оказался кошмаром.

Узкая шахта, стены из темного льда, в который вмерзли мелкие камни. Свет фонарей дробился о ледяные грани, и каждый бок туннеля выглядел как кусок неба, выкрученного наизнанку. Температура падала с каждой сотней метров – на отметке «полтысячи» Костя перестал чувствовать кончики пальцев в перчатках.

Он спускался медленно, держась за страховочный трос. Перчатка съезжала по веревке каждый раз чуть резче, чем нужно, причем сила хвата уходила незаметно. Дыхание в маске возвращалось теплым, и ресницы успели покрыться инеем уже за первый час. Удары сердца отдавались в висках так отчетливо, как давно уже не отдавались. И на третьей сотне метров Костя поймал себя на том, что отслеживает именно их вместо того, чтобы считать пройденную глубину, как будто по ним можно что-то определить. А внизу, в темноте, ждало нечто огромное и древнее. И, судя по тому, как реагировало тело, небезразличное к нему лично.

Костя чувствовал это.

Через два часа шахта расширилась, и группа вышла в огромную ледяную пещеру. Пол был относительно ровным, припорошенным тонким слоем снега. В центре – темная вода подледного озера, ровная и неподвижная, без единой ряби.

Маршалл первым коснулся дна, отстегнул карабин и осмотрелся.

– Все целы? – спросил он по радио.

Один за другим члены группы подтвердили. И уже через полчаса все переодевались в гидрокостюмы: быстро, без лишних слов, спиной к стене. Полярную одежду сложили у основания шахты, там же, где остались страховочные тросы. Забирать ее было некуда. Никто, впрочем, и не говорил об этом.

– По данным сканирования, структура находится на глубине двадцати метров, – сказал Джон, не отрывая взгляда от планшета. – Спускаемся на подводных санях. Готовьтесь.

Рауль, Таро и Анабель начали собирать оборудование – компактные подводные аппараты с электродвигателями и встроенными фонарями. Каждый мог перевозить двух человек.

Пока сани собирали, остальные упаковывали рюкзаки со всеми вещами и продовольствием в герметичные чехлы.

Через двадцать минут Костя уже стоял у края воды, всматриваясь в темные глубины. Что-то внутри звало. Тело узнавало место раньше, чем голова успевала это допустить. То, что лежало на дне, уже знало, что он придет, и, можно сказать, ждало.

– Кость, – окликнула Эмма. – Идем. Мы в одной паре.

Он обернулся. Лоунс протянула руку, приглашая к подводным саням. Северов кивнул и пошел к ней.

Погружение.

Черная вода поглотила их, отрезав от мира. Свет фонарей пробивал темноту всего на несколько метров. Температура – чуть выше нуля. Даже в гидрокостюме ощущался дикий холод, проникающий в кости.

Они погружались медленно, следуя за лидирующими санями с Крыловым и Маршаллом. И уже через несколько минут в темноте впереди начала проступать форма.

Костя увидел ее и на мгновение забыл, как дышать.

Это была пирамида.

Огромная, безукоризненно ровная, сделанная из черного камня и покоящаяся на дне озера. Грани были испещрены символами – теми самыми рунами, которые они собирали полтора месяца по всему миру. Руны светились тусклым голубым светом, пульсирующим в ритме, похожем на сердцебиение.

– Боже мой, – прошептал Игорь Сергеевич по радио.

Группа зависла перед пирамидой. Никто не двигался. Четырнадцать человек в гидрокостюмах, в черной воде, на глубине двадцати метров, и тишина в наушниках, в которой осталось только дыхание. Чье-то участилось. Чье-то, наоборот, остановилось на секунду.

– Это реально, – пробормотал Дмитрий. – Все реально.

У основания пирамиды виднелся вход – массивная арка, обрамленная символами. Внутри – тьма.

– Входим, – решительно сказал Чарльз.

Подводные сани подплыли к арке. Группа спешила и, активировав встроенные в костюмы огни, шаг за шагом двинулась внутрь пирамиды.

И вдруг вода кончилась.

Костя прошел через невидимый барьер и оказался в воздухе. Сухом воздухе. Снял маску, вдохнул. Воздух был теплым, с легким запахом озона – таким же, какой бывает после грозы.

– Что за чертовщина? – громко выдохнул Джон, срывая маску.

Один за другим они снимали тяжелые акваланги, ненужные здесь. Рауль тут же стянул гидрокостюм до пояса и сделал глубокий вдох.

– Здесь не должно быть воздуха, – пробормотала Аиша. – Мы же на дне озера, под двумя километрами льда. Это физически невозможно.

– Добро пожаловать в Божий Склеп, – тихо сказал Чарльз. – Здесь физика не работает.

Группа стояла в огромном коридоре. Стены были из камня. Не изо льда, а из темного и ровного камня, как будто обработанного. Вверху – потолок, в темноте которого луч фонаря терялся. Впереди – коридор, широкий, без дверей, уходящий вглубь.

Костя видел этот коридор.

Не похожий, а именно этот. Те же пропорции, та же высота потолка, тот же характер поверхности стен: не шероховатый и не полированный, а что-то среднее, как будто материал помнит форму, но не способен удержать идеальный контур.

– Узнаешь? – спросил Чарльз тихо.

– Да.

Команда стояла в полутьме. Четырнадцать фонарей создавали хаотичный мозаичный свет, но никто и шага не сделал. Все ждали команды.

– Переодеваемся в сменную одежду, – приказал Чарльз. – Сани, акваланги и гидрокостюмы оставляем здесь. Они нам уже не пригодятся.

Никто не возразил.

Лундберг переделалась первой и, пока остальные возились со снаряжением, уже медленно вела лучом вдоль стены. Там, в правой нише, что-то слабо отозвалось – не светом, скорее плотностью темноты, как будто оно было чуть темнее, чем должно быть.

– Что там? – спросила София.

– Не туда, – ответил Костя, надевая куртку.

Он дождался товарищей, после чего пошел вперед. Группа за ним.

На третьем шаге Накамура замер. Под ногой что-то хрустнуло: сухо, отчетливо, не похоже на камень. Он опустил фонарь.

Пол коридора был покрыт тем, что на первый взгляд казалось каменной крошкой. Но крошка лежала слишком неравномерно: скоплениями, с длинными тонкими фрагментами, потемневшими от времени до такой степени, что материал уже почти не читался.

– Тут что-то под ногами, – сообщил Таро, пытаясь сохранять спокойствие.

Ковалев присел, не касаясь, осветил ближе.

– Костная ткань, – сказал Дмитрий после паузы и встал.

Больше ничего не добавил. Никто не уточнял. Никто не хотел уточнять. Моралес повел лучом дальше по полу и увидел, как фрагменты шли вдоль всего коридора, сколько хватало света. Что бы это ни было, оно лежало здесь очень долго.

– Идем, – сказал Костя.

Они пошли осторожнее. Старались не смотреть под ноги. Правда, это не всегда получалось.

Тьма появилась через несколько минут.

Не сразу. Северов пропустил этот момент. Но когда он шел впереди и светил фонарем на развилку коридора, Ли Вэй медленно сказал за спиной, тяжело сглотнув:

– Сзади.

Костя обернулся.

У входной шахты – там, где они спустились – темнота была другой. Очень плотной и слабо движущейся. Она не давала давления и не поглощала воздух. Просто приближалась, и в этом движении не было ничего, кроме направления.

Ковалев повел фонарем в ее сторону. Луч вошел в тьму и пропал. Он не отразился, не осветил ничего. Просто исчез.

– Что это? – спросил он спокойно. Только Дмитрий умел задавать вопросы о неизвестном так, как будто уже был готов к любому ответу.

– Назад пути нет, – произнес Костя ровно. – Выход впереди. Другой.
Никто не заговорил. Не сразу.

Рауль медленно опустил фонарь. Аиша стояла неподвижно, и руки у нее чуть дрожали. Джон беззвучно шевелил губами. Анабель сняла очки и протирала стекла краем рукава, хотя протирать было незачем. Эмма стояла рядом с Костей и не отходила.

Они знали, Маршалл же предупреждал: выхода назад не будет, именно поэтому руны, именно поэтому полтора месяца по чудесам света. Но одно дело услышать про это в переговорной комнате в Лондоне, и совсем другое – стоять здесь и видеть собственными глазами, как темнота сжирает фонарный луч. Знание не защищает от страха. Оно просто делает его тише.

– Хорошо, – сказал Чарльз просто. – Тогда идем вперед.

Никто не возразил. Костя не знал, что об этом думать – о том, что никто не возразил. Он ожидал, как минимум, несколько вопросов. Может быть, это и было тем самым доверием, которое Маршалл строил все прошедшее время, и Северов просто не понимал, насколько прочным оно стало.

Люди развернулись и пошли. Под ногами снова хрустнуло, но никто уже не остановился.

Глава 10. Наследник

Склеп оказался значительно больше, чем снился, и совершенно другим.

Это Костя понял в первом большом зале – круглом помещении, от которого расходились четыре коридора в разные стороны. Свод уходил вверх метров на двадцать. Стены были покрыты чем-то, что в свете фонарей напоминало гравированный текст – плотный, мелкий, без каких-либо пробелов. Явно не руны. Что-то другое, чего он никогда не видел.

Ковалев остановился перед ближайшей стеной и поднес прибор.

– Биологическая структура, – сказал он через несколько секунд. – Удивительно... По первичным данным можно сказать, что это выращено. Здесь ничего не вырезалось.

– Выращено? – переспросила Анабель.

– Да, буквально. Тут явно наблюдается структура роста. Как, например, кость или коралл.

– Дмитрий посмотрел на стену. – Она очень старая.

– Насколько?

Ковалев помолчал.

– Прибор не дает корректный ответ. Значит, очень старая.

Они не задержались. Тьма за спиной медленно и непрерывно двигалась. Каждый раз, когда Костя оглядывался, она была на несколько метров ближе, чем в прошлый.

В стене появилось ответвление, ведущее в небольшое помещение. Костя заглянул машинально. Внутри оказалось светлее, чем в коридоре – совсем на чуть-чуть, и все же заметно. Хотя источника света видно не было.

Он остановился, увидев стоящее в центре помещения зеркало – вертикальная поверхность в рамке из темного камня. Костя сделал шаг внутрь и посмотрел на свое отражение. Вот только оно оказалось неправильным.

Искажений в нем не было. Просто в зеркале почему-то стоял другой человек. Похожий, но другой. Те же черты лица, та же осанка. Вот только стоял по-другому, в пол-оборота, а еще лицо – какое-то пустое. Совсем. Безо всякой усталости или злобы, как будто из него убрали ту самую черту, что делает лицо по-настоящему живым, и человек в отражении уже давно живет с этим без каких-либо жалоб.

Также отличались глаза, которые горели. Причем буквально, но в пределах глазного яблока. Радужная оболочка была оранжевой и ненормально яркой. Вместо зрачков – серебряные диски в центре пламени, и они смотрели прямо на Костю – точно на него, узнавая.

Северов не понял, сколько так простоял.

Что-то потянуло его изнутри, наполняя каким-то умиротворяющим чувством. Зеркало как будто тихо предлагало остаться без каких-либо угроз или давления. И в этом предложении было что-то бесконечно спокойное, от чего становилось хуже, чем от страха.

– Костя, с тобой все в порядке? – рядом раздался голос Эммы.

Северов отвел взгляд. Шагнул назад в коридор.

– Не заходить, – сказал он группе. – И не смотреть. Это не зеркало.

Девушка посмотрела на него, и было видно, что ей очень хотелось спросить, что именно он там увидел. Однако не спросила.

Группа пошла дальше.

Второй зал давал звук. Тихий, на грани восприятия. Голоса – без слов, только интонации. Далекие, как будто из другой комнаты, из другого года. Причем у каждого свои. Костя, например, слышал спокойный голос Андрея, узнаваемый до последней нотки. И на секунду стало физически больно. От точности, а не от страха, который сопровождал людей из зала в зал.

Рауль замедлил шаг. Один раз. Второй. Потом выравнивал темп и поспешил за остальными.

– Не задерживаемся, – сказал Костя.

Они не задержались.

Склеп оказался устроен тоньше любой ловушки из книг Северова. Об этом писатель догадался только здесь, внутри. Такие залы ему никогда не снились, но они были смутно знакомыми, Костя даже знал, куда надо идти. Вот только не подозревал о ловушках, которые не пытались ни остановить силой, ни убить. Они просто тихо и без давления предлагали остаться, чтобы взглянуть на будущее или послушать прошлое. И если согласиться, то тьма поглотит. Как поглотила тех, чьи останки лежали в коридоре.

Костя пошел вперед и повел группу за собой.

Через час Аиша Патель нашла скелет. Еще целый.

Левый коридор, который они проверили только для того, чтобы убедиться, что он не ведет к чему-то важному. Аиша зашла внутрь на три метра, посветила фонарем и остановилась.

– Ча-а-арльз, – протянула она без паники, тем голосом, которым говорят, когда хотят сохранить спокойствие в группе, но при этом необходимо предупредить о смертельной опасности.

Маршалл зашел, посмотрел. Следом за ним – Северов.

Скелет сидел у стены прямо, как будто намеренно. Снаряжение истлело до нечитаемости. По виду – прошла тысяча лет, не меньше. И все-таки кое-где угадывались детали: полярный костюм, карабины, рюкзак. На рюкзаке – нашивка. Японский флаг. Под ним маркировка: «КН-7».

– Ключ Хранителя, – тихо сказал Игорь Сергеевич, заглянув через плечо. – Седьмая экспедиция.

Значит, конкуренты все-таки нашли вход. Другой. В совершенно другом месте. Спустились и дошли до этого места.

Но тьма настигла их быстрее, чем они успели найти выход.

– Сколько их погибло? – произнесла Анабель за спиной.

– Не знаю, – ответил Костя. – Но ключа у них не было.

Дольше задерживаться, впрочем, он не стал. Ни сожаления, ни урока отсюда было уже не извлечь – японцы пришли первыми, и пришли без того, что имелось у него. Теперь команда Маршалла знала две вещи: угроза реальна, и время здесь течет совершенно иначе.

Северов вышел в основной коридор.

– Идем. Здесь нельзя задерживаться.

Зал с Книгой располагался в конце главного коридора.

Костя знал его заранее. Из снов – и сам зал, и то, что подходить к Книге нельзя, и почему. И все-таки, когда он вошел и увидел тихий золотистый свет, идущий ниоткуда, что-то внутри все равно остановилось.

Зал был большим. Овальным. С высоким сводом, в котором золотой свет собирался в точку.

Стены из белого мрамора с золотыми прожилками. Прямые колонны, украшенные резьбой. Идеально ровный пол – черный мрамор, отражающий золотое сияние. Все совпало со снами. Только миниатюр чудес света не хватало.

Посреди зала стоял массивный постамент из черного камня, испещренного рунами. На нем лежал предмет, который Костя узнал немедленно, без малейшего удивления.

Золотая Книга.

Раскрытая и неподвижная. Ее страницы были пусты, или, точнее, текст написан чем-то, чего обычный глаз не различает. Размером она была с обычную книгу. Ничего особенного, если не знать.

Костя остановил группу у входа.

– Не подходить к ней, – сказал он. – Ни в коем случае.

– Почему? – спросил Таро с тем характерным сдержанным любопытством, которое Костя за несколько недель научился читать, как искренний профессиональный интерес.

Северов помолчал. Он не знал, как объяснить то, в чем был уверен без объяснений. В снах он всегда шел к Книге свободно: никакого барьера, никакого предупреждения. Дойти, конечно, не получалось, но было вполне безопасно. Сейчас – нет.

– Потому что она существует вне времени, – слова пришли сами. – Любой, кто подойдет достаточно близко, проживет все оставшееся время сразу. Здесь и сейчас.

– Это... – Таро помолчал. – Это физически возможно?

– Думаю, скелет тому подтверждение, – тихо сказала Амина за его спиной. – Здесь все возможно. Но тогда что нам делать?

– Зачем мы вообще сюда пришли?! – громко спросила Аиша, не скрывая раздражения. – Я думала, что за Книгой. Так вот же она! Прямо перед нами. Чарльз, ты же сам говорил, что цель экспедиции – Книга в Склепе. Я на другое не подписывалась!

– Это не то, что мы ищем, – спокойно ответил Чарльз. – Идем дальше.

– Что значит «не то»? – громко возмутился Джон.

– Книга в другом месте, – вмешался Костя и пошел длинной дугой, чтобы не приближаться к постаменту.

После короткого замешательства группа последовала за ним. Даже возмущенные Аиша и Джон, чувствуя себя обманутыми, последовали за остальными за неимением лучшего. К Книге не подошел никто. Никто, кроме Дитера Фогеля.

Северов почти не запомнил его за полтора месяца пути. Немецкий геолог, тихий, методичный. Шел в группе всегда ровно. Лишних вопросов не задавал, никогда не жаловался. Надежный и незаметный. Он относился к тем, кто выполняет свою работу аккуратно и на передний план не лезет, на ком взгляд не задерживается, пока они почему-то не сделают шаг в сторону.

И сейчас он сделал шаг в сторону.

– Дитер, – сказал Костя.

Тот не остановился.

– Дитер!

– Я хочу проверить, – произнес он. Голос звучал без агрессии, с тем спокойным научным упрямством, которое присуще людям, привыкшим доверять приборам больше, чем чужим предупреждениям. – Это может быть оптической иллюзией или нейропсихологическим эффектом замкнутого пространства. Расстояние кажется неизменным, потому что...

– Дитер, – Чарльз сделал один шаг к нему. – Стой.

Только Фогель уже медленно шел.

– Книга становится больше, – сказал он через несколько шагов. Голос ровный, как у человека, проводящего опыт. – Или расстояние не уменьшается. Это интересно. Она буквально... Подождите, я вижу текст на страницах. Уже почти. Вот сейчас, еще немного...

Эмма дернулась было к нему, но Костя резко поймал ее за руку и сжал, не произнося ни слова. Она еще раз попыталась вырваться. Костя не отпустил.

– Эй, вы чего? – Дитер обернулся. – Со мной ничего не будет, не переживайте. Еще пару шагов и вернусь обратно.

Северов смотрел на него.

Остальные смотрели на него.

Со стороны было видно все: как Фогель медленно идет к постаменту, как расстояние между ними сокращается, как он уверенно протягивает руку, не сомневаясь в своих действиях.

Потом это произошло.

Не вспышка и даже не звук. Просто в одно мгновение Дитер Фогель перестал быть собой. Рука, которую он протянул, сделалась тонкой, потом прозрачной, затем просто рассыпалась вместе с рукавом куртки и перчаткой. Прибор, который он держал в другой руке, полетел вниз. Костюм осел, как оседает палатка, из которой выдернули каркас. На камне у постамента осталась груда серого: легкого, почти невесомого, а спустя мгновение исчезла и она. Наступил черед снаряжения, которое тоже начало испаряться. Прибор, наконец, достиг черного мрамора, ударившись глухо, а затем и он исчез, разложившись за считанные секунды. Пусто. Ни пыли, ни звука, ни намека на то, что здесь только что стоял человек.

Тишина была абсолютной.

– Боже, – произнес кто-то за спиной Кости.

Чарльз стоял неподвижно. Лицо – закрытое, непроницаемое. Не потому, что не чувствовал. Костя уже знал его достаточно хорошо, чтобы понять: именно тогда, когда было тяжело, Маршалл закрывал лицо. Не для других. Для себя.

Эмма стояла рядом с Костей. Девушка уже сама крепко схватила его за руку, как будто это он собирался приблизиться к Книге, а не она.

Их осталось тринадцать.

– Нам нужно идти, – сказал Костя наконец.

Голос получился ровнее, чем он ожидал.

– Куда? – спросил Ли без враждебности. Просто испуганно.

– В тот коридор. Последний. Там рунический проход.

– Откуда ты знаешь, что он работает? – вмешалась Аиша уже без возмущений.

– Я его видел. Много раз. Я видел все, с чем мы столкнулись здесь. Коридоры, залы, ловушки, эту надвигающуюся тьму. Все совпало. И это совпадет тоже.

Конечно, сказанное являлось ложью. На самом же деле, здесь мало что совпало со снами, но сейчас правда была непозволительной роскошью. Хотя в существование рунической арки Костя сам искренне верил.

Молчание.

Северов посмотрел на товарищей. Напряженные лица, каждый думал о своем. Ему до сих пор не было понятно, почему они согласились отправиться в столь опасную экспедицию. Может, никто из них не воспринимал угрозу всерьез, и они всегда рассчитывали на легкое возвращение домой? Или же Маршалл сознательно скрыл от них часть информации, чтобы убедить пойти? В любом случае, к каждому был подобран уникальный подход, в том числе и к Косте, с которым Чарльз общался на философские и личные темы исключительно на русском языке. Неужели все это – лишь профессиональная актерская игра?

Впрочем, сейчас правда была уже совсем не важна, потому что тьма продолжала медленно приближаться. И теперь это чувствовалось почти физически – через изменение температуры воздуха, как будто что-то холодное аккуратно сужало пространство позади.

– Костя прав, – сказал Чарльз. – Признаю, что не все пошло по плану. Моя вина. Но сейчас наш единственный выход – это рунический проход. Поэтому нам нужно идти дальше.

Возражений теперь не последовало.

Последний отрезок пути оказался короче остальных.

Метров пятьдесят – и он закончился стеной с аркой. Она была высокой, в полный свод, сложенной из того же темного камня, что и пол здесь, однако сами блоки были другими.

В самой арке светились руны.

Длинная последовательность из всех восьми наборов, в точных позициях, которые Костя неоднократно видел в снах. Символы медленно пульсировали в собственном ритме, как неугасимое пламя.

– Вот, – сказал Костя.

Группа встала.

Крылов подошел ближе, поднес прибор. Потом убрал его.

– Структура другая, – сказал он. – Совсем. Не та, что в рунах на чудесах света. – Он помолчал. – Это не похоже на запись. Скорее... какой-то активный процесс.

– Он резонирует? – спросила Эмма.

– Не уверен, но вроде как да.

Костя в это время стоял у арки и рассматривал руны – одну за другой, по порядку, который знал наизусть. Все на месте. Ни одна не угасла, ни одна не изменила позицию.

Здесь сны оказались точными.

– Что нужно сделать? – спросил Чарльз.

– Активировать. – Костя поднял руку и на секунду замер.

Привычная секунда. Последнее «до».

Только за этой секундой стояло нечто большее, чем очередной этап экспедиции. За ней стоял переход, после которого, если судить по снам, обратной дороги нет. И гибель тут была ни при чем. Речь шла просто о другом направлении. Вперед. Без возможности вернуться тем же путем.

Он подумал о родителях, об Андрее, о квартире в Москве, даже об остывшем чае на Патриарших в декабре. А затем о том, каково жить с вопросом, у которого пять лет не было ответа.

Сейчас ответ стоял перед ним в виде светящихся рун.

Костя коснулся первых символов, и сразу пришло тепло, причем сильнее, чем в любой из восьми точек ранее. Руны отозвались мгновенно: свет стал ярче, ритм пульсации изменился. Костя потянулся к следующим рунам – те отозвались еще до касания, просто от близости руки. Следующие, следующие – пульсация все быстрее и быстрее, система как будто набирала темп.

За спиной кто-то из группы сделал шаг назад – и тут же остановил себя. Ведь тьма из коридора сзади неумолимо надвигалась с той же безучастной методичностью, что и с самого начала. Она не торопилась. Просто шла и теперь была уже близко – метров двадцать, может, меньше. Даже золотую Книгу поглотила. Несколько людей направляли на нее свои фонари, но все так же безуспешно, ведь тьма поглощала лучи света без остатка.

– Костя, – произнес Чарльз тихо.

Костя уже подходил к концу.

Арка пела – без звука, одним давлением: в воздухе, в ушах и даже в костях. Резонансом без боли. Будто все здесь – камень, воздух – начало вибрировать в одной частоте.

Последняя руна.

Свет из арки стал таким ярким, что фонари перестали быть нужны. Золотой, теплый, невероятно живой. Он заполнял собой весь оставшийся зал, отбрасывал резкие тени назад, где двигалась тьма, которая тут же замедлилась – хотя и не остановилась – словно этот свет был чем-то, что ей не нравилось.

– Заходим, – сказал Костя. – Быстро. Все.

Он шагнул в арку первым. Темный коридор. Синевато-белое свечение в конце. Во сне писатель никогда не доходил до конца, однако этого и не требовалось. Где-то на полпути, когда дышать становилось невозможно, он поворачивал назад и оказывался в том мире.

Сейчас же группа медленно шла вперед. Вместо стен и потолка – неосязаемая тьма, которая стояла неподвижно.

– Нам долго еще? – спросила Эмма, и ее голос утонул в коридоре, как будто все они находились в безэховой камере.

– Нет, – сказал Костя уверенно, ожидая, что вот-вот перенесется в тот мир, как было в его снах.

Однако ожидания не оправдались.

Они прошли еще двадцать минут, прежде чем коридор закончился очередным залом – небольшим, метров двадцать в поперечнике, с потолком на высоте метров семи. Посреди – монолитный каменный постамент правильной формы, примерно метр высотой. На нем – источник синевато-белого свечения. Это была плоская каменная пластина – примерно полметра на полметра, тонкая, почти прозрачная у краев – и поверхность ее была покрыта рунами. Теми самыми.

Чарльз остановился у входа в зал и оглядел его быстро – он всегда осматривал быстро, схватывая пространство целиком.

– Тупик? Здесь определенно нужна осторожность.

– Согласен, – кивнул Костя. – Дайте мне минуту.

Он вошел в зал первым.

Сначала ничего необычного не случилось, но, когда он прошел примерно треть расстояния, что-то изменилось. Воздух стал тяжелее, причем налился какой-то странной тяжестью, но давление не изменилось. Здесь происходило что-то иное. Пространство стало как будто плотнее именно вокруг мыслей. Тело при этом ничего не замечало.

Костя остановился.

Образы начали приходить без предупреждения.

Сначала – знакомые лица. Андрей, смеющийся над чем-то за кухонным столом. Мама, рассказывающая про последователей Хранителя. Редактор Ольга Сергеевна, произносящая «контракт ваш». Потом – незнакомые: люди из его книг, которых он выдумал, но почему-то видел так же четко, как и реальных. Затем – образы из снов. Город, над которым раскинулось фиолетовое небо с двумя источниками света. Золотая Книга, висящая в воздухе.

Костя понял, что это не галлюцинация.

Это – вопрос.

Что-то в этом зале спрашивало его. Причем спрашивало образами, без слов. Показывало ему его жизнь и ждало ответа в той же форме, в какой задавало вопрос. На обычную беседу это походило мало.

– Костя, – позвал Чарльз из коридора. – Ты в порядке?

– Да, – ответил он. – Не входите пока, пожалуйста.

Образы продолжались.

Он увидел экспедицию – Эмму, Игоря Сергеевича, Чарльза, всех остальных – и понял, что это уже не прошлое. Образы показывали будущее. Одно из возможных: опасность, которая придет к команде, если Костя пойдет дальше. Никакой конкретики: была только тяжелая, ясная уверенность, какая бывает, когда спиной чувствуешь чужой взгляд.

Вопрос был такой: ты пойдешь дальше, зная это?

Костя не колебался. Уж лучше неизвестность и шанс на спасение, чем верная гибель от тьмы позади.

– Да, – сказал он вслух.

Образы исчезли, и воздух снова стал обычным, а тяжесть ушла.

Северов дошел до постамента и остановился перед ним.

Пластина светила в полуметре от него. Руны на ее поверхности двигались медленно, почти незаметно, перетекая друг в друга. Синевато-белый свет от нее отдавал теплом и, как ни странно, был совсем не пугающим.

Костя прикоснулся к ней.

То, что случилось дальше, на чтение походило мало. Скорее воспоминание, причем Костя вспоминал то, чего никогда толком не знал. Знание как будто все это время лежало в нем, спрятанное в глубинах подсознания, и теперь поднималось на поверхность.

Нейпсил. Наконец, для этого слова пришел предельно ясный смысл. Как бывает, например, с тем же стулом: когда видишь его, уже знаешь, что это, даже не задумываясь. Вот и слово

«нейпсил» теперь не требует усилий для понимания. Это же некая эфемерная энергия, существующая на стыке воли, сознания и материи, которая присутствует во всем мире и проявляется как физика, подчиненная сознанию. Аналогия можно проводить с той же темной материей, которую никто обнаружить не может, но все понимают, что она есть. Магия тут была ни при чем.

Потом пришло остальное.

Знание шло структурами – целыми массивами, в обход языка. Как будто кто-то загружал в его голову древний архив напрямую, минуя письменность. Сознание Кости выдержало лишь потому, что он готовился к этому целых пять лет, впитывая через руны разрозненные абстрактные осколки знаний. Один за другим, ничего не понимая. Сейчас же эти осколки сами начали складываться в систему.

Северов увидел древнюю цивилизацию и Хранителя Порядка, который создал Книгу; войны, расколовшие мир; магию нейпсила, что обернулась проклятием. В самом конце пришел образ Божьего Склепа – последнего убежища, построенного для борьбы против Хаоса.

Хранитель искал наследника – того, кто примет его бремя и станет избранным, кто сможет дойти до Источника в Перекрестке Миров.

Вопросов возникало больше, чем находилось ответов, но поток информации резко остановился, и Костя вдруг увидел золотые линии.

Везде. В стенах зала, в постаменте, в воздухе, даже в собственных руках – тонкие золотые нити, которые пульсировали в такт с чем-то, что было сразу и в нем, и за стенами, и, кажется, во всем этом мире.

– Костя!

Голос доносился откуда-то снизу. Или нет, снаружи, за стенами. А может, сзади. Костя обернулся и не сразу понял, где находится. Зал был тот же. Команда у входа – та же. Однако что-то изменилось. Воздух стал другим, свет от пластины – ярче.

А под ногами у всех пульсировали золотые линии.

– Что происходит? – произнес Рауль.

– Не двигайтесь! – крикнул Костя.

В следующий миг зал тихо взорвался. Синевато-белый свет, шедший от пластины, вдруг заполнил все пространство сразу, вытеснив темноту из каждого угла. И все засияло: пол, стены, потолок. Не было никакой слепящей вспышки, никакой боли в глазах, просто свет и ничего более.

Северов почувствовал, как пол ушел из-под ног, и, казалось, он теперь летел куда-то вниз. Спустя несколько секунд дошло, что падение было странным – без вектора. Как будто гравитация переориентировалась, и «вниз» перестало быть направлением.

Где-то вдалеке Костя услышал испуганные возгласы команды. Джон – что-то по-испански. Эмма – тихое, четкое: «Что это, что это, что это». Некоторые – протяжные: «А-а-а», – причем слышался и чей-то мужской голос.

Затем резко – тишина.

Полная. Такая, в которой нет даже шепота собственного дыхания.

Первым вернулся запах.

Костя ожидал чего угодно – горелого, затхлого или привычного по снам озона. Однако запах оказался живым. Металлическим, как воздух перед грозой, только глубже и насыщеннее. И под ним скрывалось что-то сладковатое, незнакомое, похожее на запах старого леса после дождя, но с некоторыми отличиями.

Северов открыл глаза и понял, что лежит на спине, а над ним неправильное насыщенное темно-фиолетовое небо с двумя источниками света, расположенными под углом друг к другу.

Два солнца давали тени, которые ложились в обе стороны одновременно. Костя моргнул. Тени не исправились. Они так и лежали – раздвоенные и мягкие.

Он медленно сел и осмотрелся.

Руины.

Огромный, древний, давно заброшенный город. Стены из темно-серого камня с золотыми прожилками стояли прямо, арки держались, колонны не упали. Город на первый взгляд не выглядел разрушенным, но это было обманчиво.

Структуры сначала казались целыми – только пустыми, как оболочки, из которых убрали содержимое и забыли закрыть дверь. Дальше, за ближайшими кварталами, очертания менялись. Где-то стены обрывались слишком резко. Где-то камень лежал не так, как должен лежать после тысячелетий: создавалось ощущение, что его положили совсем недавно. Или он положил себя сам. Между камнями росло что-то синеватое, почти металлическое на вид – слишком равномерное, чтобы быть сорняком, слишком тихое, чтобы быть живым.

Хотя Костя уже не был уверен ни в чем, связанном со словом «живое».

Под ногами темная, почти черная земля, и из нее медленно, ритмично проступали золотые прожилки. Те же, что были в камне Склепа. Только здесь их было больше, намного больше.

Тот мир.

Именно тот, который он видел в снах последние полтора года и не включал ни в одну книгу. Именно этот город. Именно это небо. Именно эта земля.

Однако сейчас все вокруг было пронизано тем, чего никогда ранее здесь не было – золотыми нитями, линиями, служащими пульсом чего-то живого и нечеловеческого: в камне, в земле, в воздухе, в каждом человеке, стоящем рядом.

И впервые за пять лет – с тех пор, как все это началось с золотой Книги в темноте Божьего Склепа и будильника в 06:41 в среду – у Кости возникло ощущение, что он, наконец, попал туда, куда его звали все эти годы.

Не домой, а туда, где судьбой предначертано быть.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.